

Цскорка

Что может быть прекрасней лета?
 Неповторимая пора!
 Тут и футбол, и эстафета,
 И сбор отряда у костра,
 И сбор коллекций, и рыбалка,
 Работа в поле и поход...
 Вздохнул Семён Оплошкин: — Жалко,
 Что лето — квартал, а не год!

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

Н. Полякова

Рис. В. Адаева

Б е л ы е н о ч и

Ленинградский май —
предвестник лета.
С белыми ночами дружит
май.
Будто лампочки дневного
света
Над землёй включили
невзначай.
Бьёт в гранит воды
прозрачный гребень.
И, не ожидая темноты,
Словно руки, вскинутые
в небо,
Над Невой разводятся
мосты.

Под мостов раздвинутые
своды
С полночи до самого утра
Дымные проходят
пароходы,
Мчатся работы-катера.
Белой ночью спать совсем
не хочешь.
Не стихает город за окном,
Потому что можно белой
ночью
Делать всё, как будто это
днём.

П л я ж в г о р о д е

*В Ленинграде короткое лето,
Но своя у него красота.
Ленинградцы почти что с рассветом
Занимают на пляже места.
В центре города,
Возле крепости
Набираются силы и крепости.*

*Здесь Нева и рябит, и смеётся,
И качает меня на волне.
И песчинки, как малые солнца,
У меня на плечах и спине.
Я ныряю, плыву, загораю,
Ну, а с Кировского моста
Мне завидуют люди в трамваях:
Всё темнее моя смуглота.*

*Когда стану коричневым очень,
Кто-нибудь мне вопрос задаст:
— Где галчонком ты сделался?
В Сочи?
— Нет, — скажу, —
в Ленинграде у нас!*

Рис. В. Адаева

Мишка

РАССКАЗ

лен. Он говорил, не скрывая своей радости:

— Ведь нельзя же, в самом деле, заявлять командующему, что он ничего не понимает в военном деле и называть его «шляпой».

Федот стойко пережил это жестокое наказание, а через пять минут, таинственно улыбаясь, подошёл к Соне Пугачёвой и поманил её за собой.

— Никуда я не пойду с тобой. — Соня презрительно поморщилась. — Дезертир!

— Я? — Федот пожал плечами, с любопытством посмотрел на Соню.

— Да, ты! — повторила Соня. — Думаешь, я не знаю, для чего ты поругался с Таракановым?

— А вот и не знаешь!

— В разведку захотелось, да?

— Правильно! А то в штабе я ещё опять с Никой подерусь.

— Но это же безумство! Тараканов всех погубит!

— Мы не дадим ему проиграть сраженья!

— Как это?

— А так! Кто всех главнее?

Теперь, сбита с толку, Соня пожала плечами.

— Разведка — вот кто! Мы

СРАЖЕНИЕ между одуваниками и ромашками было назначено на следующую пятницу. Оставалось шесть дней до этого важного события. И ромашки не дремали. С самого раннего утра до позднего вечера в пионерском лагере шла лихорадочная подготовка. Мальчики и девочки с полевыми ромашками в волосах, за ухом или в петле рубашки, с необыкновенным усердием проводили утреннюю зарядку, все отряды ежедневно отправлялись в походы.

Особенно доставалось военному совету. Командующий армией ромашек Ника Тараканов совершенно замучил военный совет совещаниями, выходами на местность, где должны были протекать военные действия.

Только что закончилось очередное бурное совещание военного совета, на котором Федот Чивилихин был смещён с поста начальника штаба и назначен командиром отделения разведки. Ника Тараканов остался дово-

раскусим все планы этих одуванчиков и тогда даже этот Тараканище доползёт до лесной сторожки, и победа будет за нами.

— Нет, это безумство, — уже мягче сказала Соня, с восхищением глядя на Федотово поцарапанное ухо.

— Пошли! — Федот решительно шагнул к лагерным воротам.

У нового командира разведчиков было такое таинственное лицо, что Соня, не проронив ни звука, пошла за ним следом.

Федот привёл её на залитую солнцем поляну возле лагеря, где паслись высокий костлявый конь Громобой и серый упитанный ослик Тишка. Ослик щипал траву, закрытый тенью Громобоя. Стоило коню отойти в сторону, как хитрый ослик бежал к нему и снова укрывался в его тени.

— Заметила? — спросил Федот.

— И правда! Вот это приду-

мал Тишка! По-моему, он задачи умеет решать!

— А ты что думала!

— Нет, ты скажи, что ты хочешь с ним делать?

— Он тоже будет разведчиком.

— Тишка? Это безумство!

Из-за дерева вышел Ника Тараканов.

— Безумству храбрых поём мы песню! — сказал он.

— Подслушивал? — спросила Соня.

— Нет, оказался случайно. Просто пошёл подумать в одиночестве. Мне ведь надо так много решить... Как раз я думал и насчёт Тишки.

— Врёшь! — отрезала Соня.

Ника сделал вид, что не слышал, и продолжал как ни в чём не бывало:

— Как командующий я даже думал взять Тишку в штаб для срочных разъездов. Но хотел бы я видеть, кто может сесть на него!

— А ты? Ты же сам говорил, что укрощал диких коней.

— Да, было дело... — Ника вздохнул, давая этим понять, что теперь для него настали другие времена. Должность командующего армией не позволяет ему заниматься укрощением необъезженных лошадей.

Федот презрительно фыркнул.

— Думаешь, не сяду? — сказал Ника, задетый за живое. И стал подкрадываться к ослу. Тишка скосил глаза и, не поднимая головы, перешёл на другую сторону Громобоя и как ни в чём не бывало продолжал щипать траву. А когда Ника попытался его погладить, Тишка сде-

лал такого «козла», так грозно взбрыкнул задними ногами, что укротитель, споткнувшись, полетел на землю. Вскочив, он сказал хохочущим Соне и Федоту:

— Видели! Он даже меня не подпускает, но я ещё им займусь.

Отряхнув колени, он ушёл с гордо поднятой головой.

Федот тоже в раздумье побрёл с поляны, Соня пошла следом.

— Нет, это безумство, — сказала она, чувствуя, что Федот не отступится от своей затеи. Федот улыбнулся: если бы дело было лёгким, разве он взялся бы за него?

Тишка славился гордым, независимым характером. Он прекрасно знал свои обязанности и соглашался только подвозить на

кухню дрова и доставлять из соседнего села овощи. Дрова он возил только утром, а за овощами отправлялся во второй половине дня. Ровно в двенадцать часов он мчался в конюшню получать свою порцию овса. Никакими силами нельзя было заставить его нарушить этот распорядок. Остальную работу в пионерском лагере он оставлял на долю безропотного Громобоя.

В свободное время Тишка пасся на лужайке или убежал на выгон к колхозным жеребяткам — стригункам.

Больше всего на свете Тишка любил чёрный хлеб, посыпанный крупной солью, сахар, весёлое общество стригунков и игру на горне. Когда он слышал звуки горна, то бросал есть и застывал, прядая ушами.

Почему-то самое сильное впечатление на него производила игра Ники Тараканова. Звонкий горн скрипел, ржал и стонал у Ники. И на эти звуки Тишка всегда отвечал оглушительным рё-

вом. Он пел так самозабвенно, с такой натугой, будто хотел вернуться наизнанку.

Федот давно присматривался к Тишке и прекрасно изучил его слабости. Вечером, отправляясь на ужин, он сказал Соне Пугачёвой:

— Я говорил с ребятами, они отдают мне весь свой сахар.

— Ты опять за старое? Это же безумство! — ответила Соня, а за чаем передала ему под столом три липких куска сахара и ломоть чёрного хлеба.

Третий день разведчики, морщась, пили несладкий чай. Из столовой Федот отправлялся на поляну с карманами, набитыми хлебом и сахаром. Осёл ждал его и, завидев, важно подходил и протягивал ушастую голову. Федот уже безбоязненно трепал Тишку по шее и даже садился на него верхом. Тишка, который, по подсчётам Сони, до этого сбросил его двести тринадцать раз, вдруг смирился и разрешал сидеть на своей спине, но сам не трогался с места.

— Ха-ха! — ревниво смеялся Ника Тараканов. — Это же всё равно, что сидеть на скамейке.

На четвёртый день Федот уже ездил по лагерю. Впереди бежала Соня, держа перед носом Тишки краюху чёрного хлеба, посыпанного крупной солью. Всё же за ворота ослик не хотел возить своего ездока.

— Идея! — крикнул Федот, слез с осла, взял его за повод и повёл, время от времени награждая кусочками хлеба. Тишка, не чувствуя подвоха, вышел за ворота. Так они дошли до самого мостика через ручей. Здесь

Федот прыгнул на гладкую спину хитреца, и тот галопом помчался в лагерь.

До самого ужина Федот катал на Тишке своих разведчиков. Только теперь ослик уже не летел галопом, а важно возвращался в лагерь, семена тоненькими ножками.

Прокатился на нём и Ника Тараканов. Спрыгнув на землю возле конюшни, он сказал:

— Вот теперь можно будет зачислить его в штаб фронта.

— Ну, это мы ещё посмотрим! — возразил Федот.

— Конечно, посмотрим. Как постановит военный совет, так и будет. Я же не для себя стараюсь, для пользы дела.

Тараканов рассчитал правильно. Всем членам военного совета не меньше, чем Вовке, хотелось погарцевать на ослике, и они единогласно решили «для пользы дела» зачислить Тишку в штаб главного командования.

Ника похлопал Федота по плечу и сказал в утешение:

— Знаешь, дорогой, я тебе скажу по-дружески: ну зачем тебе путаться с Тишкой? Разведка должна действовать бесшумно, а он возьмёт да заревёт у противника под носом, тогда всё погибло. А ты должен думать не только о себе, но и о других. Понятно, дорогой?

— Понятно... — зловеще ответил Федот, заноса руку назад. Ещё мгновение, и хитрая физиономия Тараканова украсилась бы синяком, а Федот в лучшем случае был бы разжалован в рядовые. Но в этот решительный миг между ними бросилась Соня.

— Это безумство! — сказала она, задышавшись.

Ника не стал дожидаться, пока Федот вырвется из рук Сони, и поспешно спрятался за спины штабных работников.

В ДЕНЬ сражения Федот, забрав своих разведчиков, первым покинул лагерь. Им уже давно была облюбована сосна, с вершины которой можно было наблюдать все окрестности и даже крышу лесной сторожки.

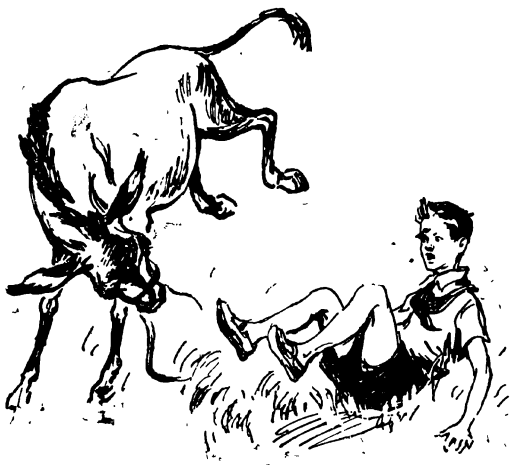
Победа зависела от того, кто вперёд — ромашки или одуванчики — займёт сторожку и водрузит на ней своё знамя.

Федот, Соня и ещё трое разведчиков сидели на сосне и наблюдали, как разворачиваются главные силы двух армий. Одуванчики сделали это быстро. После сигнала посредников (столб белого дыма) они поотрядно стали широким фронтом наступать на сторожку. Ромашки замешкались. Движение всего войска задерживал командующий Ника Тараканов верхом на Тишке.

Ослик еле передвигал ноги, несмотря на то, что двое членов военного совета тянули его за узду, а трое подталкивали сзади.

Нехотя Тишка перешёл ручей. На другой стороне он взбрыкнул ногами и понёс командующего прямо к неприятелю.

— Бегите к шоссе, пересеките ему дорогу! — крикнул Федот разведчикам и стал быстро

спускаться с наблюдательного пункта. В этот миг Федот забыл о своих счётах с Никой Таракановым, он думал только о том, как бы спасти его и Тишку от позорного плена.

Федот далеко опередил своих разведчиков. Он первый выбежал на поляну, где, потирая бока, стоял Ника, а Тишка невдалеке от него мирно пощипывал травку.

Заметив Федота, Ника сказал, как будто ничего не произошло: — А, это ты, Чивилихин! Оставляю тебе Тимофея. После битвы я займусь им по-настоящему. Ну, что ты на меня так уставился?!

— Противник, одуванчики! — пронзительно закричала вдруг Соня, но было уже поздно. Со всех сторон на поляну высыпало человек двадцать с бумажными одуванчиками на панamaх.

— Сдавайся! — весело сказал низенький мальчик в очках, видимо, начальник отряда. — Сопротивление бесполезно!

— Ромашки умирают, но не сдаются, — гордо заявил Федот

и лёг на землю. Все разведчики тоже легли рядом.

— Зачем это вы? — спросил мальчик в очках.

— Попробуйте теперь унести нас отсюда, — ответил Федот и сказал Ника: — Ложись и ты, а не то пропадёшь, как муха.

— Никогда в жизни я так не унижусь перед врагами, и потом у меня новая рубаша. Я могу только сесть, — ответил Ника, осторожно садясь на траву.

Мальчик в очках стал шептаться со своими ребятами. Пятеро из них куда-то убежали и скоро вернулись, неся в панаммах истлевшую хвою, и рассыпали её вокруг пленных.

Не прошло и минуты, как Ника Тараканов бодро вскочил на ноги: в панаммах вместе с хвоей оказались рыжие муравьи.

— Вы применяете средневековые пытки, да? — закричал взбешённый Ника. — Но вам не удастся сломить дух ромашек... Ой! — Ника полез за пазуху.

Разведка тоже дружно вскочила с земли.

Федот смеялся, восхищённый блестящей хитростью врага, и сам первый отдал свою ромашку.

Собрав у пленных ромашки, мальчик в очках заявил:

— Ну вот и всё, теперь вы вышли из строя, можете идти чай пить. Мы возьмём с собой только осла и кавалериста. Нам известно, кто он. Теперь вам крышка. Раз командующий в плену, то ваша песенка спета. Взять их!

— Я не сдаюсь! — простонал Ника. — Забыв о новой рубашке, не чувствуя укусов рыжих муравьёв, он лёг на траву.

— Взять на руки!

Дрыгающегося Нику понесли.

— Взять осла!

Когда незнакомые ребята окружили Тишку и попытались насильно увести его с собой, он стал выделять такого «козла», что все они в страхе разбежались.

Федот вытащил из кармана корку хлеба и подошёл к Тишке.

— Сажайте на него командующего, — сказал Федот, глядя в землю.

— Изменник, это ты всё подстроил! — сказал ему Ника.

Соня прижала руки к груди и спросила:

— Что же это такое?

Никто ей не ответил — ни свои, ни чужие. Только мальчик в очках покачал головой и сказал:

— Ну и дела...

Нику повезли. Федот пошёл следом и запел:

— *Крепче держись, седок,
на коне.*

*В гриву вцепись ты ему
посильнее.*

*Он полетит, как стрела —
ла-ла-ла.*

Командующий Ника Тараканов вцепился в Тишкину гриву и гордо поглядывал по сторонам. Он ещё никогда так лихо не держался на осле, и это несколько смягчило горечь поражения. Мальчик в очках мигнул своим,

рвал цепь врагов и галопом помчался к лагерю. Ника визжал от страха, но всё же каким-то чудом держался на его гладкой спине.

— Лови, лови! — кричал мальчик в очках. За Тишкой бросились все одуванчики, но быстро отстали.

стража теснее окружила пленных.

Никто, кроме Федота, не знал, что близилось время, когда Тишка получал в конюшне порцию овса.

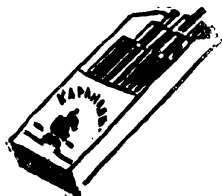
Тропинка вывела на шоссейную дорогу.

Тишка рванулся вперёд, про-

Федот воспользовался суматохой, подкрался к военачальнику одуванчиков, молниеносно выхватил из его руки букет ромашек и, очертя голову, бросился в колючий кустарник. Обдирая лицо и руки, он бежал к своим.

Честь ромашек была спасена.

Мой любимый цвет

Мой дядя мне карандаши
Принёс ко дню рожденья.
Оттенки очень хороши,
Коробка — загляденье.
Вот отточил я карандаш —
Хороший цвет зелёный! —
И сразу ожил мой пейзаж:
Берёзки, травы, клёны.
И синий цвет люблю не зря:
Ведь без него вовеки
Не мог бы рисовать моря,
И небеса, и реки.
Но мой любимый —

красый цвет,
Он лучше всех на свете!
Да без него картины нет,
Вам подтвердят все дети.
Просил мой старший брат
Спаак:

— Срисуй портрет мой
в классе.

Без цвета красного никак
Мне галстук не раскрасить.
К примеру, Первомай,
друзья, —

Весёлые колонны.
Без цвета красного нельзя
Нарисовать знамёна.
Вот очертания Кремля,
Пронзают башни воздух.
Без красного зажгу ли я
Рубиновые звёзды?

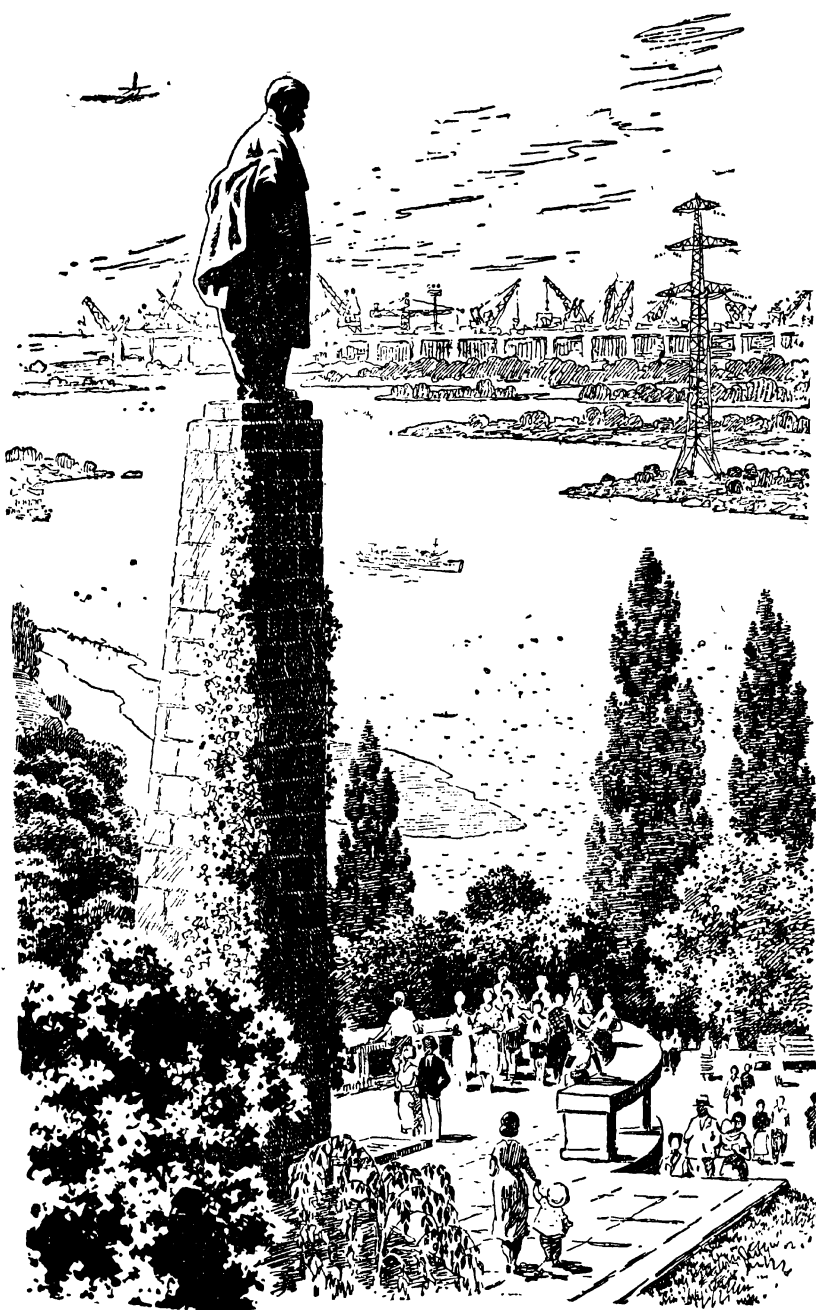
И, значит, самый лучший
цвет,

Любимый цвет мой —
красный!

А без него картины нет,
Нет и не будет. Ясно?

Перевела с армянского
Инна МИРОНЕР

Памятник на могиле великого украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко в городе Каневе. На заднем плане — панорама строительства Каневской ГЭС.

Зарисовка с натуры М. СМЕРНОВА, студента IV курса графического отделения Киевского художественного института.

БАБУШКИНЫ ПОМОЩНИКИ

А помощники не прочь
Снова бабушке помочь.

Взяли братцы два стакана,
Мирно вымыли под краном...
И тарелки взялись мыть.
Три тарелки — как тут быть?!

По одной помыли скоро.
Из-за третьей снова ссора:
Каждый тянет две руки,
В результате — черепки!

Вот к цветку подходят братья.
— Первым буду поливать я!
— Нет уж, Венька, первым я!
Эта кружечка моя!

Раз пришли из школы братья.
Им бабуся говорит:
— Не могла кровать убрать я,
Пролежала — бок болит.
Даже пол не подмела —
Встали все мои дела...

И опять трещат рубашки,
Снова братья дышат тяжко,
Обливаются водой.
А цветок стоит сухой...

Сколько с боком этим муки!..
Вы урок учите, внуки,
Мне идти пора к врачу,
Бок в больнице полечу...

И ушла...
А ей не прочь
Внуки шустрые помочь:

За один схватились веник.
Коля веник рвёт у Вени:
— Я мету!
— Чур, я мету!..
Растащили по пруту.

Нет работы — только ссора,
Даже больше стало сора...

Брату брат вцепился в чёлку,
От горшка летят осколки...
Посмотрели — слёз река:
Ни цветка и ни горшка...

Вот братишки у кровати.
Здесь двоим работы хватит...
Да беда: подушек пять —
Из-за пятой бой опять!

— Взял ты лишнюю подушку!
Брата брат ударил кружкой.
А другой — подушкой бух!..
Полетел из окон пух...

Смотрит бабушка с панели —
«Облака во двор влетели.
Вот уж, право, чудеса!..»
Любовалась полчаса...

А пришла домой старушка...
— Где перина? Где подушки?
Черепки лежат в пыли...
В общем, внуки «помогли».

* В 1952 году на далёную Чукотку приехал посланец комсомола Украины молодой журналист Олег Климентьевич Онищенко.

Олег Климентьевич родился в 1924 году, принимал участие в Великой Отечественной войне. Демобилизовавшись из Армии, закончил Киевский университет, работал вначале в ЦК комсомола Украины, потом в издательстве «Молодь».

Шесть лет Онищенко прожил на Чукотке и Колыме, работая редактором газеты. Он хорошо изучил жизнь и быт охотников побережья и оленеводов тундры. Это дало возможность журналисту создать интересную повесть о детях Чукотки, перевод которой мы начинаем печатать в этом номере журнала.

* Сейчас Онищенко живёт на Украине, работает в Черкасской областной газете и одновременно готовит к печати новую повесть для детей.

Олег Онищенко

Рисунки Ю. Лобачёва

П О В Е С Т Ь

НА ТРОПИНКЕ СМЕЛЫХ
ТНАРАТ остановился. Дальше дороги не было. Узенькая полоска песка исчезла под водой. Большие волны мёртвой зыби лениво подкатывались к берегу и разбивались о каменные глыбы. После каждого удара над камнями поднимался столб водяной пыли и в ней на миг вспыхивала радуга. Слева лежало бушующее после недавнего шторма море, справа возвышалась неприступная чёрная скала.

Ребята стояли, прижимаясь спинами к мокрому холодному камню. Их чёрные бушлаты стали серыми от водяной пыли, а волны уже заливали ботинки.

— Знаешь, Сашка, — обра-

тился Тнарат к своему товарищу, — наверно, нам придётся возвратиться. Раньше тут можно было пройти, а теперь море всю дорогу залило...

— Выходит, мы так и не увидим птичьего базара? — Сашка вздохнул и с пренебрежением закончил: — А я думал, ты хорошо знаешь дорогу...

— Дорогу я знаю. Мне о ней рассказали охотники. Они её называют тропинкой смелых.

— Ну, а если знаешь, так и веди дальше. Чего остановился? Думал, что к базару по сухому песочку можно будет добраться?

Сашка и сам удивился своей настойчивости. Конечно, если

бы Тнарат сразу же уверенно сказал, что дальше дороги нет, они спокойно возвратились бы в интернат. Но когда Тнарат поколебался, Сашке захотелось с ним поспорить.

— Можно и теперь пройти,— настаивал Сашка. — Только это дорога не для трусов.

— Как ты сказал? — Чёрные блестящие глаза Тнарата потемнели ещё больше.

— Я сказал, что эта дорога не для трусов.

— Я трус?

— Тебе лучше знать, трус ты или нет. Только настоящие охотники обязательно пошли бы вперёд.

— Так знай, что я не трус. Смотри! •

— Тнарат, погоди! Куда ты?.. Вернись!..

Но Тнарат уже сделал несколько шагов к морю. Первая же волна окатила его почти по пояс, вторая — едва не сбила с ног. Сашка видел, как Тнарат обеими руками вцепился в обломок скалы, который подымался из воды.

— Тнарат, вернись! Тнарат! — изо всех сил кричал Сашка, но Тнарат даже не обернулся.

Упрямо, шаг за шагом, он продвигался вперёд, пока, наконец, не исчез за каменным мысом.

Сашка хотел было кинуться вслед за товарищем, но что-то остановило его. Он не мог заставить себя ступить в холодную

воду. Ноги словно прилипли к этой узенькой тропке.

Волны подступали к Сашке всё ближе и ближе. Он прижался к скале и не спускал глаз с моря.

Опомнился Сашка лишь тогда, когда огромная волна обдала его брызгами с ног до головы. И в тот же миг промелькнула мысль: начался прилив!

Так вот почему море заливают «тропинку смелых»! Пройдёт несколько минут, и вода затопит этот небольшой клочок песка, на котором он сейчас стоит. Что же делать?

Дорога назад уже отрезана. Со всех сторон море, а позади скалы. Сашка поднял голову и посмотрел вверх. Фуражка чуть не свалилась с головы мальчика.

Море веками долбило скалу, жестокие морозы сковывали её, буйные ветры обдували со всех

сторон, летнее солнце, которое месяцами не прячется за горизонт, нагревало её. Повсюду на скале виднелись трещины, а кое-где и небольшие выступы. На одном из таких выступов, пожалуй, можно будет дожидаться отлива...

Влезть на скалу было очень трудно. В трещинах лежал прикрытый пылью лёд. Мокрые ботинки скользили, руки коченели от холода. Несколько раз Сашка срывался и сползал вниз. Но иного выхода не оставалось. Мальчик снова и снова начинал всё сначала.

Наконец — выступ. Он невелик, но всё же на нём можно сидеть, спустив ноги и опираясь спиной о скалу.

Сашка взглянул вниз и ужаснулся. Там, где он стоял всего лишь несколько минут назад, уже бурлила вода. А впереди, насколько охватывал взор, грозно дышало седое от пены море. Сашка почувствовал, как по спине побежали мурашки.

Потом начал донимать ветер. Холодный, влажный, он забирался под бушлат, до костей пронизывал тело.

А что сейчас делает Тнарат? Где он? Быть может, тоже сидит вот так же на выступе скалы, а возможно... Нет, Тнарат не может погибнуть! Он такой ловкий, смелый и сильный!

КОГДА Сашка впервые пришёл в интернат, Тнарат встретил его как настоящий товарищ. Он тогда сказал: «Давай дружить! Ты мне будешь рассказывать об Украине, а я тебе о Чукотке. Ладно?»

В первый же день Тнарат спросил:

— Что ты умеешь делать?

— Я... Я не знаю, — немного растерялся Сашка. — Я хочу стать штурманом дальнего плавания.

— А я буду охотником, как и мой отец, — уверенно заявил Тнарат. — У меня есть своя байдара и карабин.

— Карабин? — удивился Сашка. — Настоящий?

— Карабин мне от отца достался... Отец погиб в море... — грустно ответил Тнарат.

— А ты стрелял из карабина?

— Конечно, стрелял. Идём, чего покажу.

Они вышли на школьный двор. Тнарат где-то достал длинную, тонкую палку с острым концом.

— Смотри!

Палка, как пика, свистнула в воздухе и попала в столб.

— Здорово! — удивился Сашка.

— Так наши охотники бьют гарпуном моржей, — пояснил Тнарат. — А теперь побегу с поднятой рукой.

— Куда бежать? — не понял Сашка и подозрительно взглянул на своего нового товарища. Что он задумал? Уж не собирается ли кинуть острую палку и в него?

— Ну, беги! — властно приказал Тнарат.

Сашка немного потоптался на месте, а потом кинулся бежать. Не показывать же новому товарищу, что он боится!

Снова что-то свистнуло в воздухе, и ременная петля туго стянула его руку.

— А вот так наши охотники ловят оленей чаутом¹⁾ — пояснил Тнарат. — Наши мальчики всё умеют делать — и стреляют метко и гарпун кидают. Летом на вельботах²⁾ мы едем домой в свои селения и там вместе с охотниками охотимся на морского зверя. Хочешь, я тебя научу охотиться? И птичьи базары покажу, они очень интересные!

— А ты знаешь, что такое ют, спардек и бак? — в свою очередь спросил Сашка.

— Нет, не знаю... — немного растерялся Тнарат.

— Это название частей корабля, — пояснил Сашка. — Я весь корабль знаю от киля до клотика. Я морское дело изучаю. Уже много книг о море прочитал. Хочешь, дам и тебе почитать?

Вскоре ребята ещё больше сдружились. Они повсюду бывали вместе, читали книжки, сидели за одной партой, даже жили в одной комнате. Это они вдвоём — Сашка и Тнарат — предложили организовать в школе Клуб полярных капитанов. Тнарат так и сказал: «Ты знаешь, Сашка, я решил стать капитаном охотничьей шхуны. Правда, это будет здорово?»

СЕГОДНЯ начались каникулы, а завтра члены Клуба полярных капитанов на шхуне «Айсберг» выйдут в плавание. Но если кто-нибудь проведает, что они ходили на птичий базар, их не возьмут на шхуну. Об этом не раз говорили и учителя и заведующая интернатом Александра Петровна. Особенно

¹⁾ Чаут — ременный аркан.

²⁾ Вельбот — охотничья моторная лодка.

после того, как на этой тропке попал под обвал и погиб охотник.

Конечно, если бы на птичий базар не запрещали ходить, Тнарат и Сашка, пожалуй, даже не подумали бы туда забираться. Но это ведь так интересно — проверить свою смелость, побывать в наиболее опасных местах! И вот Тнарат оказался смелым, а он, Сашка, в последнюю минуту испугался. Теперь Тнарат перестанет с ним дружить.

Низко, чуть ли не задевая мальчика своими крыльями, с пронзительным криком пролетали чайки. Что им надо от него? Видно, они только и ждут, когда он, обессиленный, упадёт вниз и исчезнет среди холодных, штормовых волн...

Так прошло несколько часов. Солнце уже скрылось за вершинами скал. Стало холоднее, ветер усилился. Он гнал к берегу большие, тяжёлые волны.

Но вот, наконец, вода начала спадать. У подножья скалы показалась из воды узенькая полосочка мокрого песка, покрытая клочьями пены и длинными рыжими водорослями. Волны всё дальше и дальше отступали от скалы, полоска песка становилась все шире и шире.

Надо думать о спуске. Впервые за несколько часов Сашка пощевельнулся, пытаясь повернуться на выступе. Вниз посыпались мелкие камушки.

Спускаться вниз всегда труднее, чем подыматься вверх. Сашка, свесив ноги, долго искал хоть какую-нибудь, хоть самую маленькую опору. Занемевшие от холода руки не могли удерживать тяжесть тела, и Сашка

упал вниз, на влажный песок. Падая, больно ушиб ногу.

Пересиливая боль, он поднялся и медленно побрёл вдоль берега. Шёл долго, по колено в воде, обходя скалистые мысы, вдающиеся в море, перелезая через каменные завалы. Он шёл в ту сторону, где исчез Тнарат. Когда на берегу между камнями увидел что-то тёмное, ускорил шаги: может быть, это Тнарат лежит там, ожидая помощи? Нет, это камень...

Вот и птичий базар. На скалах гнездятся тысячи, сотни тысяч птиц. Они сидят на каждом выступе скалы, тучами носятся в воздухе, ими, точно маковыми зёрнами, усыпано море. Белокрылые чайки; чёрные, как вороны, кайры; небольшие, с широкими клювами морские попугаи — топорки; хищные альбатросы... Вокруг стоит такой гам, что из-за него не слышно даже шума морского прибоя.

Неподалёку от Сашки загремел обвал. Вероятно, какая-нибудь птица, усаживаясь на скале, зацепила камушек, а тот, падая, сбил несколько других. И вот уже большие обломки скал с грохотом падают в море. На минуту стало совсем темно, точно огромная туча закрыла собою солнце: это напуганные обвалом птицы поднялись в воздух.

А Сашка шёл всё дальше и дальше. Каким маленьким, беспомощным чувствовал он себя здесь, между исполинских, суровых скал и хмурым, неприветливым морем!

За птичьим базаром тропинки уже не было. Там даже во время

полного отлива волны бились о скалы.

Сашка остановился. Что же делать? Возвращаться домой без товарища нельзя. Надо искать Тнарата. Но где искать? Куда он мог исчезнуть?

Мальчик пристально осмотрелся по сторонам и вдруг увидел предмет. Сашка присмотрелся и вскрикнул: это была фуражка Тнарата! Неужели... Неужели погиб Тнарат, его верный товарищ, его самый лучший друг?!

Сашка кинулся в море. Не чувствуя ни холода, ни страха, он по пояс вскочил в ледяную воду, двумя руками схватил фуражку и прижал её к груди.

Теперь сомнений нет: Тнарат погиб в море. Погиб по его вине.

Солёные брызги сползали по щекам, смешиваясь со слезами. Мальчик медленно вышел из воды и бессильно опустил на камень.

Тоскливо шумело море, грустно кричали чайки, у вершин скал жалобно свистел ветер. А Сашке казалось, будто и море, и чайки, и ветер — всё-всё вокруг твердило: «Погиб... Погиб... Погиб...»

Сашка с трудом поднялся с камня и, едва переставляя ноги, медленно пошёл назад. Теперь ему некуда было спешить.

Так подошёл он к бухте Комсомольской, прошёл через посёлок и очутился возле интерната.

— Сашка! Что с тобой? Что случилось? Где ты был? — кинулись к нему товарищи.

Сашка молчал, точно не слы-

шал этих вопросов. Он хотел вытереть вспотевшее лицо, и только тут заметил, что в кулаке у него зажата фуражка друга. Сашка закрыл ею лицо и, не сдерживая слёз, прошептал:

— Тнарат погиб... Волною его смыло в море...

— Да вы что, с ума сошли?— воскликнул кто-то из ребят. — А Тнарат только что говорил, что ты погиб...

— Тнарат говорил... — повторил Сашка. — Когда говорил?

— Сашка! Сашка пришёл! Сашка! — вдруг раздаётся на крыльце голос Тнарата.

Сашка, не веря себе, взглянул туда, откуда слышался голос друга. На крыльце стоит Тнарат! Живой Тнарат!.. Без бушлата и фуражки, в чьих-то чужих коротеньких брючках.

— Как же ты спасся? Как? Ну, скажи же, как?..

— В одном месте нашёл небольшую расщелину... Я полез по ней... Чуть не разбился... Потом через два перевала бежал сюда... Хотел, чтобы на катере в море искали тебя... А ты сам пришёл...

Мальчики стояли рядом, бледные, взволнованные, страшно утомлённые, с окровавленными руками. Но как счастливы были они сейчас!

А немного погодя Тнарата и Сашку вызвали в кабинет заведующей интернатом. Александра Петровна не хотела слышать никаких оправданий. Это было бы ещё не так страшно, если бы рядом с Александрой Петровной не сидел капитан «Айсберга» — Пётр Петрович.

— Несмотря на запрещение,

вы пошли на птичий базар и едва не погибли! — говорила Александра Петровна. — Этот проступок мы обсудим на педагогическом совете и, вероятно, снизим вам оценку по поведению. А с рейса вас придётся снять. Вы как думаете, Пётр Петрович?

— Что ж, тут двух мнений быть не может, — согласился капитан. — Сегодня они нарушили запрещение учителей, завтра не выполнят приказ капитана...

— Выполним, товарищ капитан! Всё выполним!.. — вырвалось у Сашки.

— Ну, об этом мы поговорим завтра на линейке, — сказал капитан, поднимаясь.

Понуриив головы, ребята вышли из кабинета.

— Не поплаваем мы теперь на шхуне, — вздохнул Тнарат.

— На шхуне не плавают, а ходят, — поправил его Сашка.

— А, всё равно, — махнул рукой Тнарат. — Уж если Пётр Петрович сказал, то он своё слово выполнит. Завтра утром будут на линейке обсуждать, а потом ещё и домой письмо напишут...

Ребята на минуту умолкли. Подумав немного, Тнарат предложил:

— Поедем со мной в наш посёлок. Будем в море на охоту ходить. Бригадир Умка нас возьмёт, я знаю! А сегодня как раз наш колхозный вельбот уходит отсюда. Поедем!

Сашка покачал головой.

— Нет, не могу я... Я уже написал папе, что летом буду на шхуне плавать...

Поздно вечером Сашка прово-

дил Тнарата до берега, где была выстроена пристань для вельботов. На прощанье они крепко пожали друг другу руки.

Вельбот исчез, словно растаял в вечерней полумгле, а Сашка ещё долго стоял на берегу и смотрел на море, туда, где скрылся его друг.

КАПИТАНЫ НЕ ПЛАЧУТ

В ЭТУ ночь Сашке не спалось. Он часто поднимался с кровати, подходил к окну, потом снова ложился, натягивал одеяло на голову. А рядом с ним, на кровати Тнарата, спокойно спал Ангу. Он даже сладко посвистывал во сне. Да и чего бы ему не спать, если он сегодня утром выйдет на шхуне в море?

Где же тут справедливость? Его, Сашку Демиденко, в школе все называют капитаном. И не зря. Ведь он лучше всех разбирается в морских делах. Даже пароходы узнаёт по гудкам. Корабль ещё далеко, только входит в бухту, а Сашка уже всем объявляет: «На траверзе бухты пароход «Сучан» типа «Сталинград» водоизмещением десять тысяч тонн...» И не было ещё такого случая, чтобы он ошибся. Да разве только это? Пока шхуна «Айсберг» стояла на зимнем ремонте, он изучил её всю, от киля до клотика¹⁾. И в машинном отделении частенько бывал, помогал старшему механику Фёдору Васильевичу протирать части мотора. На ходовом мостике за штурвал держался, а в радио-

рубке вместе с радистом накручивал на катушку тоненький медный провод... Зимой все члены клуба изучали в кружках штурманское дело; азбуку Морзе, радиоаппаратуру, разнообразные морские узлы. Пётр Петрович всегда всем ставил в пример Сашку.

А что скажет Сашка утром на линейке? Нет, лучше, пока не началась линейка, разыскать попутный катер или вельбот и на нём добраться домой, в Ловеру. Но что же сказать отцу? Как объяснить, почему его не допустили к плаванию? Какой стыд! Ещё вчера на птичьем базаре Сашка думал, что ничего-ничего ему больше не надо, только бы Тнарат остался в живых.

Сашка твёрдо решил, что на линейку он не пойдёт. Поэтому надо не проспать и за полчаса до подъёма выйти из интерната, чтобы никто его не видел.

Но перед утром Сашка всё-таки уснул и, вероятно, проспал бы, если бы не уборщица тетя Паша. Она начала мыть пол в соседней комнате и загремела стулом.

Сашка вскочил с кровати и осторожно, чтобы не разбудить Анга, начал одеваться. Сегодня он надел не школьную форму, а настоящую флотскую. Правда, фланелька немного измялась в чемодане, да это не беда.

Мальчик потуже подтянул ремень, застегнулся на все пуговицы и вышел из комнаты.

Над бухтой загорался рассвет. Наступали те чудесные минуты, когда белая полярная ночь переходит в утро. Солнца ещё не было видно — оно скрывалось

¹⁾ Клотик — верхняя часть мачты.

где-то там, за грядой высоких сенож, которые окружали бухту, — но всё вокруг было розовым: и одинокие пушистые тучки, и береговые скалы, и даже лёгкий прозрачный туман над бухтой. Белые чайки кружатся низко над водой. Вот одна из них взлетела высоко-высоко и вдруг вспыхнула вся искристым розовым светом. Над бухтой пронёсся лёгкий утренний ветерок. Он покрыл морщинками воду, покати́л волну тумана, сдвинул с места небольшое облачко, дремавшее у вершины скалы и донёс до Сашки солёный запах моря. В воздухе запахло влажным песком, смолою, водорослями.

Сашка полной грудью вдохнул солёный морской воздух и заглянул на рейд. Там стояли два ледокола, большой пароход, лихтеры.¹⁾ Это первый караван собирается в дальний путь по Великому Северному морскому пути.

У причала грузится шхуна «Айсберг». Видно, как стрелы краёв поднимают в воздух сетки с ящиками, мешками и плавно опускают их в трюмы судна. Доносится шум машины, скрип тросов.

Мальчик залюбовался стройным, устремлённым вперёд корпусом шхуны, чуть наклонёнными мачтами. Потом взглянул на ватерлинию²⁾ и вздохнул — она опустилась почти к самой воде. Через несколько часов шхуна будет загружена, даст длинный гудок и...

¹⁾ Лихтер — большое грузовое судно.

²⁾ Ватерлиния — линия вдоль борта, по которой определяют загрузку судна.

Раздался громкий звонок: в интернате подъём. Сашка стремительно кинулся по тропинке в гору, туда, где виднелись огромные глыбы камня. За кучей камней — небольшая площадка, а по ней между камней извивается ручеёк.

Эта площадка — любимое место Сашки. Сколько раз вместе с Тнаратором тут мечтали они о далёких путешествиях, о борьбе со штормами и льдами! Отсюда отлично видна и бухта и двор интерната.

Вот во двор выбежали ученики. Сейчас они будут делать зарядку, потом умоются, позавтракают — и на линейку. А о нём все позабыли...

Нет, видно-таки не забыли. Кто-то зовёт. Ну, конечно, это же Ангу. Увидел, что кровать пустая, и поднял шум на весь посёлок.

— Сашка-а-а! Сашка-а-а! Сашка-а-а! — надывается Ангу.

— Надо молчать, — шепчет Сашка. — Пусть подумают, что я уже уехал домой...

И вдруг сердце забилося от неожиданной мысли: «А что, если самому пробраться на шхуну? Будь, что будет...»

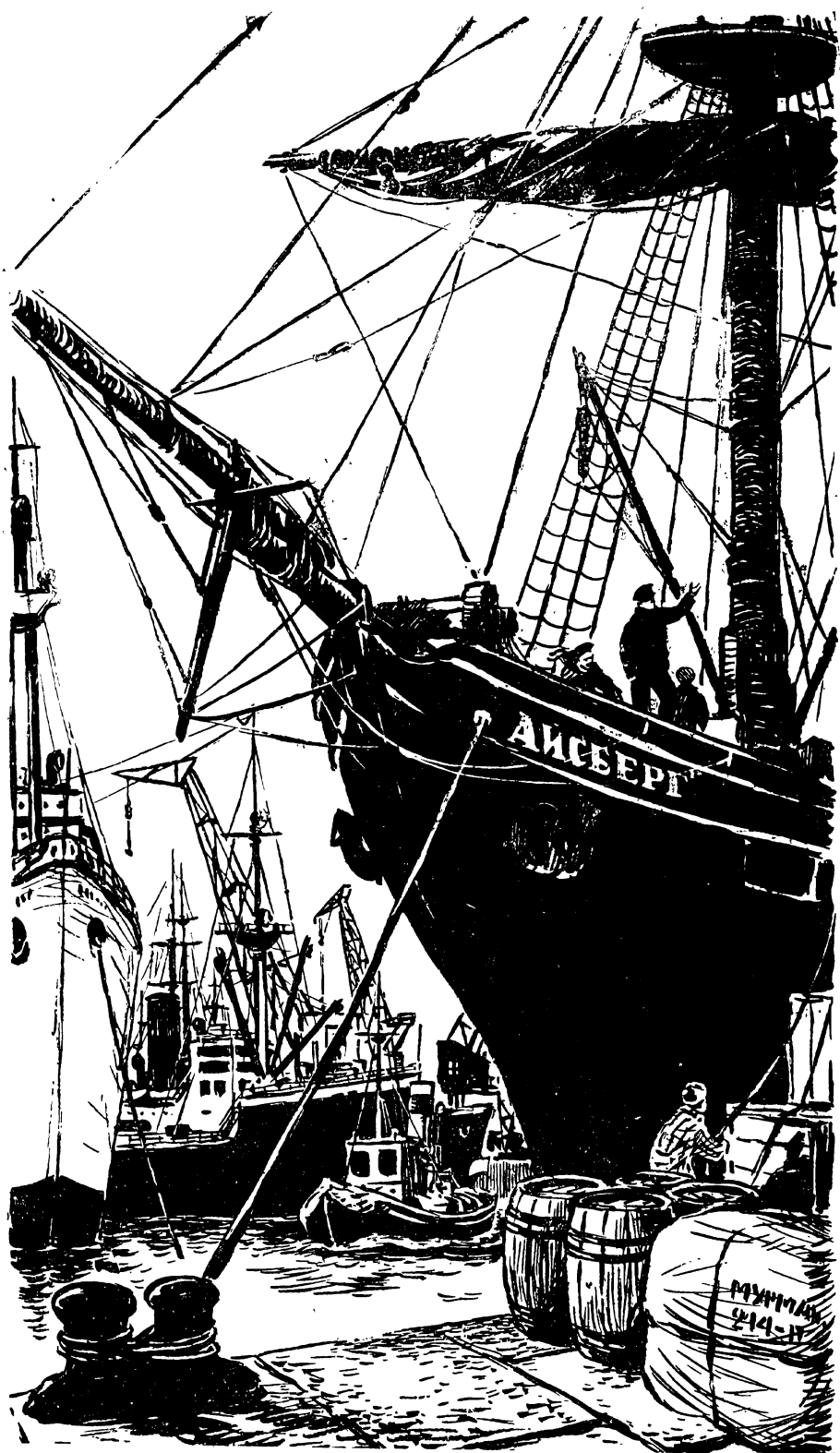
— Стройся! — доносится со школьного двора команда.

Десять членов Клуба полярных капитанов выстроились на линейке. Нет, их не десять, а восемь. Кого же нет? Сашка горько усмехнулся: забыл, что на линейке нет его самого и Тнарата.

— Смирно! — командует Пётр Петрович.

У флагштока стоят Ангу и Айпина.

Запел горн. По флагштоку по-

бежал вверх красный с голубым вымпел. Ветерок развернул его, и стали видны вышитые на нём шхуна, якорь и спасательный круг. А на круге — три буквы: «КПК» — Клуб полярных капитанов.

Ребята стоят смирно. Пётр Петрович оглашает приказ:

— Лучших членов клуба, отличников учёбы зачислить в команду экспедиционного судна «Айсберг»...

Пётр Петрович зачитывает фамилии. Сашка с надеждой прислушивается: быть может, в последнюю минуту всё же решили и его взять в плавание? Нет, напрасные надежды... А капитан продолжает читать дальше:

— ...За грубое нарушение дисциплины членов клуба Александра Демиденко и Тнарата к плаванию не допустить. Выход судна назначается на десять ноль-ноль девятого июня... Курс — бухта Комсомольская — остров Врангеля — мыс Сердце-Камень — бухта Комсомольская. Задание — зажечь маяки на островах и побережье, а также провести необходимые гидрографические работы...

Сашка слушает капитана и вдруг замечает, как всё вокруг — и скалы, и дома, и пароходы — почему-то помутнело, расплылось.

Капитаны не плачут, — почти вслух сам себе говорит Сашка и рукавом бушлата вытирает глаза.

ВЕЛЬБОТЫ ВЫХОДЯТ В МОРЕ

ЛАСКОВО плещет море. Небольшие светло-зелёные

волны стройными рядами бегут и бегут к берегу. У берега они вырастают, на их гребнях появляется пена. Волны с тихим плеском падают на гальку и снова скатываются в море.

На берегу лежат два вельбота. Солнечные лучи отражаются в капельках воды и кажется, что по бортам вельботов медленно сползают и падают на землю разноцветные искорки.

Тнарат сидит на камне и швыряет в воду гальку — маленькие, обточенные морем камушки. Он старается попасть в белый гребень волны так, чтобы камушек насквозь пробил её.

Мальчику немного мешает карабин, висящий за спиной. Тнарат поправляет карабин и снова берётся за гальку.

— Тнарат! Тнарат! — раздаётся неподалёку.

Тнарат роняет из рук камушек и оглядывается. Это, вероятно, Кавауге, моторист вельбота. Хорошо, что он не видел, как Тнарат швыряет камушки в воду, а то сразу бы принялся насмехаться: «Тнарат, как ребёнок, играет камушками. Ну, какой из него охотник? Пусть лучше сидит дома, развлекается с сестрёнкой...»

— Эгей, Тнарат! — весело кричит Кавауге, подбегая к мальчику. — Ты точно настоящий охотник! Куда собрался?

Он с удивлением оглядел Тнарата с ног до головы. На мальчике — белая, как снег, настоящая охотничья камлейка¹⁾, новенькие лёгкие торбаза²⁾ и штаны из

¹⁾ Камлейка — похожая на плащ охотничья одежда.

²⁾ Торбаза — обувь из шкуры оленя или нерпы.

шкуры нерпы¹⁾. А в руках — вещевой мешок.

— Куда это ты собрался? — удивлённо переспрашивает Кавауге. — Надеешься на берегу нерпу подстрелить?

— Почему на берегу? — отвечает Тнарат. — Я в море иду.

— В море? Да тебя же мама не пустит! А карабин у тебя действительно очень хороший. Где ты его взял?

— Это карабин отца.

— Ну, я пойду мотор готовить. — Кавауге говорит важно, не торопясь. — Без исправного мотора в море не выйдешь. У меня он будет работать, знаешь, как!

Тнарат не удержался. Очень он не любит, когда кто-нибудь хвастает.

— Твой язык работает, наверно, как мотор. Ты такой..

— Какой? — насторожился Кавауге. — Ну, какой?

— Как бубен. Шума много, а пользы мало...

— Я тебе покажу бубен... Жаль, времени очень мало... — Кавауге отошёл на несколько шагов. — Вот скажу охотникам, и не возьмут тебя на охоту. Вот увидишь!

Настроение Тнарата было испорчено. И всегда так: стоит ему встретиться с Кавауге, как между ними возникает ссора. Кавауге — трус. Он испугался выйти в море, когда на льдине бедствовали охотники, когда, спасая их, погиб отец Тнарата...

«Если бы мой отец был жив... — подумал Тнарат и почувствовал, как горячий клубок

чек подкатился к горлу. — Если бы был жив отец...»

ЭТО случилось год назад. Два охотника колхоза «Полярная заря» отправились на край берегового припая¹⁾ охотиться на нерпу. Неожиданно поднялся ветер, льдину оторвало от берега и понесло в открытое море. Надо было спасать охотников. В тот же день в правлении колхоза собрались бригады. Тнарат вместе с отцом пришёл в правление и присел в тёмном уголке на скамейке. На него даже не обратили внимания. Все думали о том, как бы спасти охотников.

— Что будем делать? — после долгого молчания спросил председатель колхоза Гиуги.

— Шхуну надо вызвать, — предложил кто-то.

— Шхуна очень далеко. Она прибудет только через пять дней.

— Может, подождать, когда ветер утихнет?

— Нет, ждать нельзя. Люди погибнут...

Снова наступило нестерпимо тяжёлое молчание. Было лишь слышно, как у берега стонут волны да звенят стёкла окон под порывами ветра.

Тогда поднялся со скамьи отец Тнарата, бригадир Агранат.

— Я пойду на розыски! Кто со мной?

Никто не ответил ему. А сердце Тнарата сжалось. Он и гордился своим отцом и боялся за него. Страшно выходить в море на вельботе в такой шторм.

¹⁾ Нерпа — небольшой полярный тюлень.

¹⁾ Припай — полоса льда у берега.

— Я пойду!..
Меня возьми!.. —
подбежал к столу
Тнарат.

Но на мальчика
никто не обратил
внимания.

— Как вельбот
на воду спу-
стишь? — спросил
Гиуги. — В лагу-
не¹⁾ волна боль-
шая, камни — сра-
зу разобьёт...

— Вельбот на-
до через косу пе-
ретащить и спу-
стить на воду в
море — там волна меньше, —
ответил Агранат.

Тогда Умка, самый старый в
посёлке охотник, сказал, обра-
щаясь к Тнарату:

— Пойди к женщинам, скажи,
чтобы приготовили одежду, сва-
рили мяса на дорогу. А я осмот-
рю вельбот. Часа через два мы
выйдем на розыски.

В море вышло четверо: Агра-
нат, Умка и ещё два охотника.

Четыре дня прошло с тех пор,
как начались розыски. Уже утих
ветер, только огромные волны
мёртвой зыби бились о берег,
напоминая о недавнем шторме.

Тнарат почти всё время про-
сидел на берегу. Он смотрел на
море — не появится ли там, да-
леко, среди волн, белое пятныш-
ко вельбота?

«Как там отец? Удалось ли им
спасти охотников? — думал Тна-
рат. — Где они сейчас?»

А волны шумели глухо, грозно
и не давали ответа.

Однажды рядом
с Тнаратом на ка-
мень присел Кава-
уге. Это его отца
вышли спасать
охотники. Тнарат и
Кавауге долго
смотрели на море.
Тнарату очень хо-
телось сказать Ка-
вауге что-нибудь
такое, чтобы обо-
дрить его.

Но Кавауге ни-
чего и слушать не
хотел.

— Погибли все,
я знаю.. — угрю-

мо повторял он. — Разве можно
в такой шторм уходить в море?

— Можно, всё можно тому,
кто смелый! — звонким от вол-
нения голосом воскликнул Тна-
рат. — Они возвратятся, я знаю!

— И ничего ты не знаешь... —
ответил Кавауге.

— А ты трус! — не выдержал,
под конец Тнарат. — Сам испу-
гался и о людях плохо гово-
ришь.

Вельбот появился неожидан-
но из-за скалы Равуквун¹⁾.
Первые секунды Тнарат ещё
сомневался: возможно, это ка-
кой-нибудь чужой вельбот?

Но вот вельбот обогнул скалу
и повернул к берегу. Он был
ещё далеко, узнать людей было
невозможно, но видно, что их
много.

— Вельбот, вельбот! Спас-
ли! — изо всех сил закричал
мальчик.

Из домов и яранг выбежали

¹⁾ Лагуна — залив, отделённый от моря
песчаной косой.

¹⁾ Равуквун — „домашний камень“. Так
чукчи называют скалы вблизи стойбищ.

люди. У председателя колхоза Гиуги в руках был бинокль.

— Пять человек... — тихо сказал он. — Одного нет...

На берегу стояли матери, отцы, жены и дети тех, кто был в море. И никто не спросил, кого нет. Все молчали, с надеждой глядя на вельбот.

Наконец вельбот подошёл ближе. Уже можно было распознать каждого охотника. Тогда в толпе шёпотом пронеслись слова:

— Агранаута нет... Агранаут не возвратился...

Тнарат увидел это раньше других. Он обессиленно опустился на землю и закрыл лицо руками.

Где-то совсем рядом ткнулся в берег и зашумел днищем по гальке вельбот.

— Идём, Тнарат, домой... — Положил ему на плечо свою большую руку Умка. — Идём, я всё расскажу тебе... Не плачь, ты уже взрослый...

...Нет, Тнарат не плачет. Он сидит за столом рядом с мамой. У мамы на руках притихла сестрёнка Авак. Умка тяжёлыми шагами меряет комнату, сопит погасшей трубкой, а когда пытается зажечь спички, они ломаются в его толстых, неуклюжих пальцах.

— ...Агранаут был отважным охотником. Все люди побережья знали и уважали его. Кто больше всех убивал нерп и моржей? Агранаут! Кто всегда был честным и справедливым? Агранаут! Кто никогда не оставлял товарища в беде? Агранаут! Но когда Агранаут сказал: «Я пойду охот-

ников спасать», не все ему поверили. Никогда ещё люди побережья не выходили в море во время такого шторма.

Мы с твоим отцом много лет охотились вместе, всегда помогали друг другу, всегда делились последним куском мяса. И теперь я пошёл с ним на розыски, хотя мало было надежды на то, что мы найдём охотников. Как увидишь в огромном море небольшую льдину с людьми?

Долго мы искали. Не спали, обессиленные совсем. Волны заливают вельбот, горючее кончается, а людей всё не видно. «Вероятно, погибли, вероятно, волны разломали льдину», — думали мы. Нас четверо было на вельботе. Трое сказали: «Будем возвращаться». Тогда Агранаут ответил: «А что мы скажем родственникам тех, кто был на льдине? Как мы будем смотреть людям в глаза? Разве есть такой закон, чтобы не помогать тем, кто попал в беду?» — «Да, пожалуй, они погибли». «Мы этого не знаем. Пока есть возможность, будем продолжать поиски. Надо искать!».

И мы снова бороздили море, снова до боли в глазах всматривались в запененную волнами даль. Ни льдины, ни людей...

Наконец мы увидели льдину, а на ней охотники лежат. Льдина маленькая, волнами её разломало. «Может быть, они замёрзли?» — подумали мы. Тогда Агранаут выстрелил из карабина вверх. Один охотник приподнял голову. Живы! Но как подойти? Швырнёт волна вельбот на льдину, ударит её, — и все погибнем.

Агранаут тогда привязал к

бортам пыхпых¹⁾), чтобы смягчить удар. Потом сам выскочил на льдину, а мы вельбот баграми придерживали.

Агронаут на руках перенёс одного охотника, а когда нёс второго, большая волна ударила по вельботу, оторвала его от льдины. Твой отец упал в воду. Охотника мы успели схватить за одежду, а отец...

Умка снова пытается разжечь трубку, но спички ломаются в его непослушных больших пальцах.

— Все люди будут помнить твоего отца. Он был смелым, мужественным охотником...

— Я тоже стану охотником.. — тихо промолвил Тнарат.

Тнарат припоминает, как часто отец говорил ему: «Вырастешь, будешь охотником». А когда брал сына с собою в тундру, то приказывал идти впереди: «Не привыкай за чужую спину прятаться, не учись на чужие пятки смотреть. Будь всегда впереди!..»

СВЕРХУ посыпались камушки. Тнарат поднял голову и посмотрел вверх. На краю обрыва стояли Умка и охотник Чаре.

— Эгей, Тнарат, раненько ты поднялся! Давай, помогай нам!

Умка проворно спустился с обрыва. Трудно было поверить, что ему уже больше семидесяти лет. На плече он нёс тонкую длинную мачту, обёрнутую серой парусиной. Старый охотник положил мачту подле вельботов и взглянул на солнце:

— Надо торопиться!

Подошёл к вельботам и Кавауге. Он принёс четыре пыхпых и принялся их надувать.

— Ты забавляешься, как ребёнок, — недовольно заметил старый охотник. — А кто же принесёт рульмотор и горючее?

— И пыхпых также необходимы. Они сами не прибегут к вельботу...

— Пыхпых мог и Тнарат принести, а ты побеспокойся о моторе.

— Что мне делать, Умка? — спросил Тнарат. — Принести рульмотор?

Кавауге ехидно усмехнулся.

— Однажды евражка¹⁾ хотела ярангу опрокинуть. Залезла на самую высокую сопку и давай кричать: «Смотрите, звери, смотрите, птицы! Сейчас ярангу опрокидывать буду!» А звери только посмеялись... С тобою тоже так может случиться...

Тнарат смутился. «Рульмотор и в самом деле большой и тяжёлый. Он только взрослым под силу. Видно, Кавауге правду сказал, что я, как та евражка...»

— Рульмотор принесёт Кавауге, — распорядился Умка. — А ты сбегай за примусом и керосином.

Кладовщик Рентувье уже всё подготовил: и примус, и бачки с керосином, и коробки с патронами, и палатку. В присутствии Тнарата он ещё раз проверил примус, тщательно осмотрел палатку — нет ли где дырок. Охотники отправляются в дальний путь, надо, чтобы всё было исправно.

Потом Рентувье надел очки в

¹⁾ Пыхпых — надутая воздухом шкура черны.

¹⁾ Евражка — полярный суслик.

металлической оправе и что-то написал на небольшом листке бумаги.

«Я, член охотничьей бригады № 1, Тнарат, получил со склада...» — читает Тнарат и помимо воли улыбается, польщённый доверием. Даже такой уважаемый человек, как Рентувье, называет его членом бригады!

Край палатки тащился по земле, цепляясь за камни и маленькие кустики, но Тнарат не уменьшал шаги, ведь на него с завистью смотрела детвора.

— Устал, охотник? — улыбнулся Умка. — Садись, отдохни.

Мальчик рукавом камлейки смахнул с лица капельки пота и степенно ответил:

А кладовщик удивлённо смотрит на мальчика поверх своих очков: «Чего это он вздумал смеяться, этот малыш? Видно, нашёл в расписке какую-то ошибку. Не понимает, что в старое время охотникам не удавалось учиться...»

Тнарат взвалил палатку на плечи, в одну руку взял примус, во вторую — бачок и поспешил к берегу. Идти было нелегко.

— Я вовсе не устал, честное слово! Я сильный и стреляю метко!

— Слово охотника — крепкое слово. Но делам всегда верят больше, чем словам...

Тнарат задумался: шутит Умка или говорит серьёзно?

Мальчик взял карабин и посмотрел по сторонам. На берегу лежали камни, но какой охотник, уважающий себя, станет стре-

лгать по камням? Перевёл взгляд на море. Там, за белой полоской прибоя, метрах в тридцати от берега, покачивалась на волнах стайка кайр. Из воды выглядывали лишь маленькие чёрные головки на тоненьких шейках.

Тнарат встал на колено и привычно приложил карабин к плечу. Когда птицы поднялись на гребень волны, он затаил дыхание и плавно нажал на спусковой крючок. Прогремел выстрел. Кайры поднялись в воздух и, проворно махая коротенькими крыльями, полетели низко над водой.

— Эх, ты, охотник! — засмеялся Кавауге. — Тебе надо было в сопку целить, а не в кайру...

«Неужели промахнулся? — Тнарат почувствовал, как от стыда начали краснеть его щёки. — Теперь все скажут, что сын лучшего охотника оказался пустым хвастунишкой...»

Несколько секунд, которые прошли с того момента, как раздался выстрел, показались мальчику вечностью. Он стоял на колене, боясь поднять взор, и, словно приговора, ждал, что скажет Умка.

А Умка молчал. Он, старый охотник, которого знали и уважали все люди побережья, вероятно, с упрёком смотрел на хвастливого мальчишку.

Тнарат тяжело поднимается и, понутив голову, чтобы никого не видеть, медленно идёт прочь. Но не успел он сделать нескольких шагов, как послышался голос Умки:

— Тнарат, ты не уходи далеко. Скоро мы выйдем в море.

Мальчик оглянулся и первое, что он увидел, была кайра, которую волны медленно подгоняли к берегу.

Через час вельбот вышел в море.

(Продолжение следует)

Жаворонок

Ты идёшь некошеной травой...
В синей дымке голубой залив.
Ты идёшь, а из-под ног стрелой
Он взлетит проворен и пуглив.

В небесах, где синь да белизна,
Слышишь голос птицы над собой.
В воздухе дрожит он, как струна,
Это ты задел её рукой.

Рис. В. Адаева

Письмо из редакции

(Рассказ Вани Крутикова)

СЕЙЧАС я в пятом, а тогда был во втором.

Теперь я звеньевой, а тогда ещё никого из нашего 2 «б» даже в пионеры не принимали, говорили: подрасти надо.

И только один счастливый человек в нашем классе носил пионерский галстук — второгодник Толя Смирнов. Толя был намного старше всех нас, потому что везде сидел по два года.

Здорово он задавался, этот Смирнов. На переменке силу свою показывал — маленьких лупил. И ещё смеялся громче и дольше всех, особенно когда сам себя рассмешит какой-нибудь чепухой.

Стоят, например, в коридоре Костя Бровин и Клава Мариничева, марки разглядывают — они марки собирали и приносили в школу меняться. Так вот, стоят они у окна, а Толя подойдёт сзади да как гаркнет: «Жених и невеста! Гляди-ка, ребя, жених и невеста! Ха-ха-ха!». Кое-кто, конечно, ему подхихикнет, но быстро успокоится. А Толя всё гогочет: «Жених и невеста! Ха-ха-ха!»

Это в перемену. А на уроке, когда вызывала учительница, от Толи слова добиться было нельзя. Стоит, руки в карманы (такая у него привычка была) и штаны поддёргивает, как будто они у него сваливаются. Наша Екатерина Васильевна уж на что уравновешенная и то из терпения выходила.

— Неужели, — говорит, — Смирнов, за два года таким простым вещам, как умножение и деление, нельзя научиться? Ведь ты же не без способностей! Садись.

Мы выделили Славика Богданова, чтобы Смирнов вместе с ним домашние уроки делал. А Толя не стал со Славиком оставаться, да ещё пригрозил, что если Славик будет приставать со своей помощью...

Во второй четверти к нам прислали вожатую — Шуру Скородумову, тоже школьницу, только из 7 «б».

Сначала Шура повела нас в краеведческий музей и показала очень старинные, выкопанные из земли каменные молотки, топоры и разные кости. И ещё древний плуг — соха называется.

Потом Шура постановила, чтобы мы сами выпускали стенгазету. Выбрали трёх человек: Славика, меня и Тоню Кожухову, потому что у неё мама чертёжница.

Мы ещё никогда не выпускали стенгазеты, и было интересно. Славик написал две заметки: про экскурсию в музей и о том, как он катался на лодке. Ещё одну заметку — «Моя мечта» — дала Валя Панкина. Мечта у неё была съездить в Москву. А я

думал-думал и написал стихи:

*Есть у нас ребята в классе,
Смирнов Толя, например,
Он лентяй, плохой*

товарищ,

*А ведь кто он — пионер.
Да таких из пионеров
Давно надо в шею гнать.
Пионер служит примером,
А не ему пример давать!*

Стихи Славiku и Тоне понравились, только Славик сказал, что со Смирновым лучше не связываться.

Через два дня Тоня Кожухова, у которой мама чертёжница, принесла из дому большой лист бумаги с нарисованным заглавием «Наш класс». Буквы были такие ровные, что мы даже удивились.

Я, Тоня и Славик остались после уроков — хотели пока-

зять заглавие и заметки нашей вожатой Шуре из 7 «б». Мы дождались второй смены, но ребята из 7 «б» сказали, что Скородумова уже пятый день болеет свинкой, а какая-то девочка объяснила, что в таком возрасте свинка быстро не проходит, и ещё сказала, что к Шуре домой ходить нельзя, а то можно самим заболеть свинкой.

Тогда мы решили выпустить стенгазету пока без Шуры. Тоня Кожухова переписала заметки начисто, а Славик проверил ошибки и наклеил эти листочки на большой лист под заглавие. Ещё я нарисовал в углу почтовый ящик, как и в других стенгазетах.

Мы подождали ещё три дня, а Шура всё не ходила в школу. И однажды после уроков мы не утерпели: когда все ушли домой, выковыряли из стенки шесть кнопок и прикололи ими нашу газету.

Наутро, перед звонком, ребята столпились около стенгазеты, а мы прохаживались, как будто это совсем не наше дело. Над стихами смеялись, а Толя Смирнов погрозил мне кулаком. Прочитала Екатерина Васильевна и сказала, что мы молодцы.

А в перемену пришла Шура Скородумова. Наверно, свинка у неё кончилась. Шура прочитала заметки, а когда увидела стихи, нахмурилась и подозвала меня.

— Крутиков, — сказала Шура. — Ты что же, считаешь, что это хороший ме-

тод — «в шею», да? Разве так мы должны подходить? Что молчишь?

Все притихли, один Толя Смирнов захохотал.

— Вовсе не смешно, — сказала Шура. — Так как же, Крутиков?

— Я и правда так думаю, — выдавил я, наконец, — вот и написал. Чего же нянчиться!

— Значит, — обиделась Шура, — ты, Крутиков, продолжаешь настаивать?

— Продолжаю, — пробормотал я. — Если все будут такие пионеры...

— Хорошо, — перебила Шура и покраснела. — Раз так, мы эти твои стихи пошлём на отзыв в настоящую редакцию. А пока придёт ответ, стенгазету сейчас же снять.

— Ладно, — сказал я, — снимайте, только кнопки не растеряйте, где их опять искать!

На другой перемене Толя Смирнов подставил мне ножку, потом из школы ребята меня провожали, и он не приставал. А на другой день уже были каникулы, и я уехал к бабушке, в Рыбную слободу.

СРАЗУ после каникул к нам в класс пришла Шура Скородумова. В руках у неё был конверт, а в конверте — напечатанное на машинке письмо из редакции. Шура прочитала его вслух:

*«Дорогие товарищи ребята!
Возвращаем вам стихи ва-
шего друга В. Крутикова с*

*некоторыми, на наш взгляд,
необходимыми поправками.
Желаем успехов в учёбе.*

*С приветом
Редактор районной газеты
«Северный льновод»
А. Разливин.»*

На другом листке были мои стихи, тоже напечатанные на машинке. Только в них всё было по-новому. Вместо строчек

*Да таких из пионеров
Давно надо в шею гнать —
было напечатано:
Если Толя хулиганит,
Надо Толю исправлять.*

— Теперь, — сказала Шура, — нужно в стенгазете за-

клеить старые стихи, а написать, как в письме из редакции. И тогда можно опять повесить стенгазету «Наш класс».

На следующей перемене ко мне подошёл Толя Смирнов, щёлкнул меня по затылку и сказал:

— Слыхал, голова? Исправлять надо!

И дал мне такого тычка, что я еле удержался на ногах.

Вот тогда я и понял, как трудно сочинять стихи, и что бывает потом. Но я решил, что всё равно буду их сочинять. И на всякий случай записался в гимнастическую секцию.

Лёнька — гипнотизёр

Р А С С К А З

ЛЁНЬКА заканчивает второй класс. Завтра заканчивает. И завтра ученики будут выступать на школьной сцене. Вадик Рюмин прочтёт стихотворение «Лето», Люда Дёмина собирается рассказать сказку про Лиса и братца Кролика. Потом будут танцы. Вика и Маша Игнатовы, Алла Краснова и Андрей Моткин станцуют «Топотун». У них это здорово получается. А Витька Шашкин сегодня сказал:

— Я буду показывать фокусы.

Учительница Анна Петровна спросила:

— А ты умеешь показывать фокусы?

И весь класс посмотрел на Витьку. Что-то раньше никто не знал, что Витька — фокусник. Интересно, когда это он научился? Не врёт ли? Витька ведь любит прихвастнуть...

Но Витька твёрдо сказал:

— Я готовился в секрете.

Анна Петровна спросила у Лёни Макушкина:

— Может быть, и ты, Лёня, что-нибудь подготовил секретно?

Лёнька ни секретно, ни несекретно ничего не подготовил. Он уже хотел об этом так прямо и заявить, но в это время Витька-фокусник бросил:

— Куда там Макушкину! Он умеет только пузыри мыльные пускать.

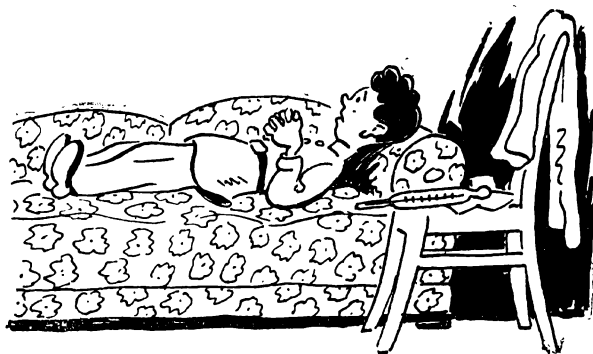
И Лёньку будто кто шилом кольнул. Он подпрыгнул и ответил:

— Я уже два месяца готовлюсь. Получше, чем Витька. Я... я...

Алла Краснова даже в ладошки хлопнула:

— Вот хорошо! Пусть Витя не задаётся.

И вот Лёнька пришёл домой. Он положил портфель на стол, сел на диван и задумался. Как же это всё получилось? Что он теперь будет делать? Рассказать завтра басню «Лисица и виноград»? Хм, этим никого не удивишь. Может, прочитать стихо-

творение «Майский жук»? Получится одна смеюта: это стихотворение готовили всем классом! А больше Лёнька ничего не может. Ну и погнал в историю! И всё из-за этого противного

задавки Витьки Шашкина. Если бы не он, веселился бы сейчас Лёнька, как все люди, и ни о чём бы не думал. Как было бы хорошо! Вон карапузики Сашка и Шурка мастерят что-то из глины. Даже через закрытое окно слышно, как они смеются...

«Счастливые дети», — подумал Лёнька, и ему так стало жалко себя, что он чуть не заплакал. Наверно, на всей земле нет сейчас ни у кого такого горя, как у Лёньки. До завтра осталось совсем немножко, а завтра весь класс, вся школа будут смеяться над Лёнькой. И больше всех, конечно, Витька Шашкин...

И вдруг Лёньку осенила мысль: заболеть! Никуда завтра не ходить. Лечь в постель и лежать, положить рядом термометр, какие-нибудь порошки, на спинку кровати повесить мокрое полотенце. Как только кто постучится в дверь, сейчас же полотенце — на лоб. Можно даже бредить, как от высокой температуры. Вот это здорово, честное слово! Никто и не подумает смеяться, все будут жалеть. Надо только немножко потренироваться, чтобы было, как правда.

Лёнька намочил полотенце,

поставил рядом с диваном стул, положил на него термометр и клочок бумажки вместо порошков. Потом лёг на диван и прислушался. Никто не стучал, но Лёнька представил, что постуचा-

ли. Он быстро положил мокрое полотенце на лоб и жалобно ответил:

— Войдите.

Никто, конечно, не вошёл. Но Лёнька опять представил, что вошла Алла Краснова.

— Здравствуй, Лёнечка, — тихо проговорила Алла. — Ты заболел?

Лёнька безвольно опустил с дивана непослушную слабую руку и что-то промычал.

— Лёнечка, что с тобой? — Голос у Аллы дрожал от жалости.

— Гиппопотамы, — просто-на-просто назвал Лёнька. — Африка, жарко. Mamочка, где луна? И дайте мне скорее витамин це. Это ты, галлюцинация?

Алла чуть-чуть попятилась к двери и испуганно сложила на груди руки.

— Лёнечка, как же так? — спросила она, и Лёнька увидел, что Алла плачет от горя. — Ты такой больной, Лёнечка, что даже бредишь. Теперь весь класс будет говорить о тебе...

— У меня в голове огонь, — вздохнул Лёнька и закатил глаза. — Рыбий жир, так держать... Есть так держать...

В это время он услышал, как в коридоре застучали каблучки.

Наверно, пришла мама. Лёнькина мама работала медсестрой в больнице и училась в медицинском институте. Интересно, узнает ли мама, что он не больной?

Мама вошла, увидела на Лёнькином лбу мокрое полотенце и посмотрела в его глаза. Лёньке хотелось, чтобы глаза его были затуманенные.

— Ты почему в костюме валяешься на диване? — строго сказала мама.

— Сыворотка из-под простокваши, — скороговоркой ответил Лёнька. — На дворе трава, на траве дрова...

— Ты бредишь? — участливо спросила мама.

— Брежу.

— Давно бредишь?

— Уже давно.

— Тогда довольно. Побредил и хватит. Вставай, пойдёшь за хлебом.

Лёнька встал и спросил:

— А ты думаешь, я не очень больной?

— Ты совсем не больной, — ответила мама. — У больных не такие глаза. И вообще не такой вид...

«У больных не такие глаза и вообще не такой вид... — печально думал Лёнька. — Значит, ничего не получится...»

Когда Лёнька и мама сели обедать, он сказал:

— Мама, я завтра выступаю. На сцене.

— Это хорошо, — ответила мама. — Что же ты расскажешь?

— Витька Шашкин будет показывать фокусы. Он готовился в секрете.

— А ты? — спросила мама.

— Я? — Лёнька помолчал, потом вдруг признался: — Я тоже сказал, что готовился, а сам не готовился.

— Что ж, посмеются над тобой, — проговорила мама. — Скажут: ну и хвастунишка этот Лёня Макушкин! Скажут: Лёня Макушкин мастер всё делать только языком. Вот так, сынок...

Хорошо ей говорить: «Вот так». А как это вот так? Может, он, Лёнька, и раскaiвается теперь в том, что обманул и Анну Петровну и весь класс, да что толку в его раскаянии?! Хорошо ещё уроков не задали, можно думать и думать, что делать.

После обеда мама сказала:

— Иди гуляй, я буду заниматься.

— Я гулять не пойду, — ответил Лёнька.

— А что же ты будешь делать?

— Думать.

— Ну, думай, только тихо думай.

Лёнька сел на диван и стал думать. Здорово было бы, если бы он вдруг вышел на сцену и сделал сальто. Или, например, зажёл газету и начал бы глотать огонь. Или так: Алка Краснова бросала бы ему бутылки, а он ловко ловил их, много бутылок, и подкидывал их вверх и опять ловил. Наверно, весь зал дрожал бы от аплодисментов. И все говорили бы: «Вот это да! Вот это жонглёр! Не то что Витька Шашкин со своими фокусишками!»

Мама в это время читала медицинскую книгу. Лёнька слышал, как она повторила: «Со-

стояние гипноза свойственно человеку и животным, внушению же поддаётся только человек. По внешним проявлениям в гипнозе можно выделить три стадии: сонливость, когда человек испытывает потребность в покое, ему трудно открыть глаза, лёгкий сон и сомнамбулизм».

— Сомнамбулизм, — сказал Лёнька.

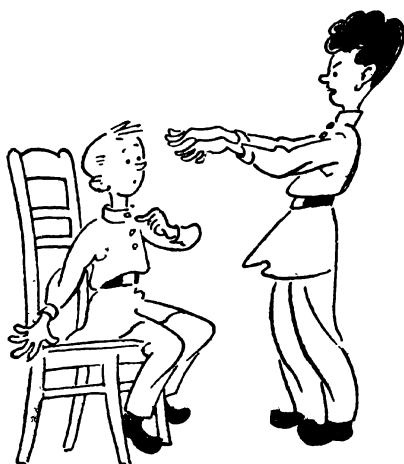
— Что? — Мама посмотрела на него и улыбнулась. — Не думаешь ли ты стать гипнотизёром и выступить на сцене?

— Нет, не думаю, — ответил Лёнька и вдруг спохватился. — Я давно об этом думаю, мамочка. Расскажи, как эти самые гипнотизёры внушают?

Мама отложила книгу и сказала:

— Гипнотизёром ты пока не можешь быть, но если тебе это интересно, слушай. Гипноз — это внушение. Один человек что-нибудь внушает другому. Сперва он его должен усыпить. Держит, например, гипнотизёр какой-нибудь блестящий предмет и говорит человеку: «Тебе хочется спать, тебя клонит в сон, вот ты уже засыпаешь...» И человек засыпает. А после этого гипнотизёр внушает ему, чтобы он, например, бросил курить или чтобы он забыл, что у него болят зубы. Иногда гипнотизёру помогает ассистент. Ну, проще говоря, помощник. Понятно? А теперь, сынок, не мешай. У меня сегодня много работы.

Лёнька стрелой вылетел на улицу. Ого, теперь-то он знает, что надо делать! Теперь Витька Шашкин посмотрит, что за пу-

зыри умеет пускать Лёнька Макушкин! Вот это будет здорово! Лёнька выйдет на сцену и кто-нибудь объявит: «Гипнотизёр Леонид Макушкин!» И гипнотизёр Леонид Макушкин начнёт... Что же он начнёт? Как что? Усыплять, а потом внушать. Если усыпление не получится, можно ведь, чтобы было нарочно, вроде как получилось. Вот только надо найти помощника, или, как это сказала мама? Осе-тина? Нет, асистиная... Стоп, асистин есть! Валерка Михайлов. Он согласится...

Валерка Михайлов жил рядом, и через минуту Лёнька уже был у него дома. Он вбежал в комнату и крикнул:

— Валерка, хочешь быть асистином?

— Что? — спросил Валерка, прожёвывая хлеб.

— Асистином. Понимаешь, я гипнотизёр, а ты — асистин, помощник. Это будет здорово, Валерка! Витька Шашкин лопнет от зависти. Мы с тобой завтра на сцене, понимаешь?

— Не понимаю, — признался Валерка.

— Вот чудак, — рассердился Лёнька. — Ну, чего тут понимать? Три стадии, понимаешь? Сомбунализм... Я тебя усыплю и буду внушать. Например, скажу: «У тебя зуб уже не болит».

— А он у меня и так не болит.

— Так это ж к примеру, чудак ты человек. Или я тебе внушу, чтобы ты не курил.

— Ты дурной, Лёнька, — сказал Валерка. — Когда это ты видел, чтобы я курил? — И он опасливо покопился на другую комнату, где сидела бабушка. — Никаким асистингом я быть не хочу. Ещё попадёт за это...

Всё же Лёнька сумел уговорить Валерку. И они начали тренироваться.

И ВОТ ученица пятого класса Вера Бойченко объявила:

— Гипнотизёр Леонид Макушкин со своим помощником Валерием Михайловым!

Витька Шашкин хихикнул откуда-то из зала:

— Смехота одна, а не гипнотизёр!

На сцене стоял диван, горела большая электрическая лампочка, а в зале было темно.

Первым вышел Валерка и сел на диван, лицом к залу. Потом появился Лёнька. Он остановился посреди сцены и поклонился. Вера Бойченко сказала:

— Сеанс внушения. Сейчас гипнотизёр Леонид Макушкин усыпит своего помощника и потом будет внушать всё, что захочет.

Лёнька вытащил из кармана блестящий шарик из какого-то подшипника и, держа его большим и указательным пальцами, проговорил:

— Смотри сюда, асистин.

Валерка широко открыл глаза и уставился на шарик. В зале была такая тишина, что прямо страшно. Но Лёнька не струсил.

Чего ему было трусить? Вчера вечером он и Валерка выступали перед Лёнькиной мамой и Валеркиной бабушкой. Они, правда, сильно смеялись, но сказали, что всё хорошо. Так что бояться нечего...

Валерка шепнул:

— Ну, начинай!

Лёнька подошёл ближе к дивану, сдвинул брови, качнул рукой с шариком из стороны в сторону.

— Сейчас ты уснёшь, — загробным голосом начал он. — Обязательно уснёшь. Тебе не хочется спать, но ты уснёшь. Вот уже тебя клонит в сон. Ты засыпаешь. Тебе трудно уже смотреть на этот шарик, потому что совсем засыпаешь. Сейчас ты ляжешь на диван и совсем уснёшь. Ложись. Спи!..

Лёнька вдруг увидел, что Валерка смотрит не на шарик, а куда-то в сторону. Он повторил громче:

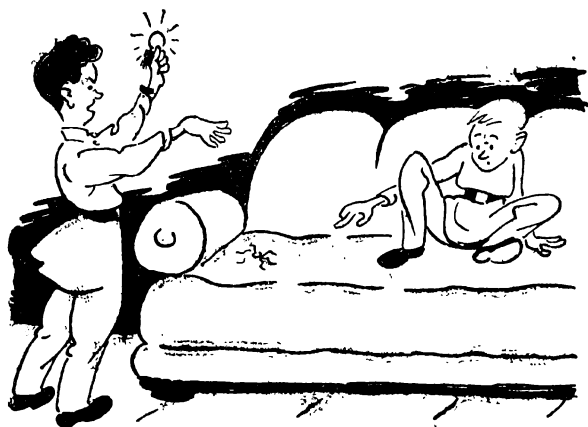
— Ложись! Спи!

Валерка не ложился. В зале хихикнули. Лёнька ещё сильнее сдвинул брови и даже топнул ногой:

— Ложись! Ты уже спишь!..

— Лёнька, по дивану что-то

ползает, — испуганно прошептал Валерка. — Какой-то большой паук...

У Лёньки даже пот выступил на лбу.

— Ложись! — прошипел он. — Пауки не кусаются.

— Я больше всего боюсь пауков, — прошептал Валерка и отодвинулся на край дивана.

— Я тебе сейчас как поддам, будет тебе паук! Попробуй только не лечь.

— И не лягу. Чего ты кричишь на меня!

— Не ляжешь?

— Не лягу. Не буду я лежать рядом с пауками.

— А вот это видал, асистин несчастный! — Лёнька показал Валерке кулак. — Ты что, хочешь чтоб засмеяли нас?

— Все уже и так смеются. Всё равно теперь, — ответил Валерка.

Лёнька мельком взглянул в зал. Что там было?! Девчонки хохотали так, что падали со стульев. Мальчишки громко хлопали в ладоши и тоже хохотали. Даже Анна Петровна смеялась в платок. Наверно, все слышали, как ругались между собой

Лёнька и Валерка. Ну, и пусть смеются. Вот только бы Валерка лёг...

Вдруг Валерка сказал:

— Лёнь, паук уже уполз. Ложись мне?

— Подожди. Когда я скажу ложись, тогда и ложись.

Вера Бойченко,

вытирая глаза, опять вышла на сцену и громко сказала:

— Ребята, прекратите смех. Вы мешаете гипнотизёрам работать.

Лёнька дождался, пока смех совсем прекратился, и тогда снова поднял руку с шариком.

— Ты совсем уже спишь, — сказал он. — Совсем спишь. Ложись.

Валерка залез на диван с ногами, подложил под голову руку и закрыл глаза. От волнения он даже вспотел немножко и капельки пота блестели у него на носу.

— Он не спит! — крикнул кто-то из зала.

Лёнька не растерялся. Он ответил в зал:

— Сейчас он будет совсем спать. Через восемь секунд.

Лёньке вдруг показалось, что Валерка и в самом деле засыпает. Устроился на диване удобно и посапывает.

«Вот чурбан, — подумал Лёнька. — Ещё уснёт. Он, кажется, говорил, что ночью плохо спал: всё думал, как будут выступать».

Лёнька отошёл от дивана и начал готовиться к внушению.

Спрятав шарик в карман, он стал потирать ладонями виски. Пусть все видят, как гипнотизёр собирает всю свою волю. Виски он потирал долго, потому что забыл слова, которые должен сказать в зал, чтобы слышала Маша Игнатова.

Маша Игнатова сидела в первом ряду и смотрела на Лёньку. Наконец он вспомнил.

— Теперь, товарищи, — сказал Лёнька, — по желанию публики я внушу Валерке любое дело. Кто что желает?

Маша Игнатова вскочила первая.

— Внушите ему, — попросила она, — что сейчас наводнение. Как он будет спасаться?

Лёньку даже в жар бросило. «Какое наводнение? Вчера они с Валеркой тренировались, что будет внушаться пожар. И утром так и договорились с Машей. Пожар, а не наводнение!.. Чтож это она придумала, дурочка? Может, забыла?»

Лёнька переспросил:

— Что ты сказала, Маша?

За неё ответила Алла Краснова:

— Она сказала, чтобы ты внушил Валерке наводнение.

— Правильно, — подтвердила Маша.

Делать было нечего. Приходилось внушать наводнение. Эх, если бы Валерка догадался!

Лёнька приблизился к дивану, протянул вперёд руки с растопыренными пальцами и проговорил:

— Наводнение... Кругом вода...

Валерка лежал и не двигался.

Лёнька сказал громче:

— Наводнение. Кругом вода, понимаешь?

Валерка из-под руки смотрел на него испуганными глазами и пальцем водил из стороны в сторону: ничего, мол, не понимаю.

Лёнька чуть не упал от горя: «Ну и выбрал себе асистина! — зло подумал он. — Витькина свинья и та была бы лучше».

А в зале опять начинали смеяться. До Лёньки долетали слова:

— Вот не везёт Макушкину!
Тогда Лёнька в отчаянии
очень громко, на весь зал, крик-
нул:

— Наводнение!

Валерка вскочил, испуганно
установился на Лёньку.

— Что? — спросил он.

— Наводнение, вот что, — от-
ветил Лёнька.

— Какое наводнение? Ты не-
нормальный, что ли? Говорил по-
жар, а теперь...

— Говорил, говорил... Машка
всё перепутала. А ты свинья...
Асистин болванский... Не мог
придумать чего-нибудь.

Но им так дружно и долго
хлопали, что Лёнька решил не
сердиться ни на Валерку, ни на
Машу Игнатову. Сама Аня
Петровна, когда Лёнька и Ва-
лерка сошли со сцены, сказала,
вытирая глаза платком:

— Молодцы, ой, какие же вы
молодцы, ребятки!

Где Карабас-Барабас?

(Загадочная картинка А. Илючека)

А ну-ка, кто найдёт из вас,
Где притаился Карабас?

Кто какой умывается водой

А в пустыне,
В пекле зноя,
За безводною грядой
Археолог привозною
Освежается водой.

С автоматом,
Пулемётом
Марш не лёгок для бойца.
То дождём, а чаще потом
Пыль смывает он с лица.
А придётся,
Из колодца
Обольётся на ходу;
В январе снежком
натрётся
За казармою в саду.

На бахче в степи
цветочной,
У межи арбузных гряд,
Зоревой водой проточной
Умывается юннат.
А захочет, на ладошку
Опрокинет василёк,
И, набрав росы немножко,
Освежится паренёк.

В море юнга расторопный,
Встав под парус озорной,
Умывается забортной,
Ветром поднятой волной.

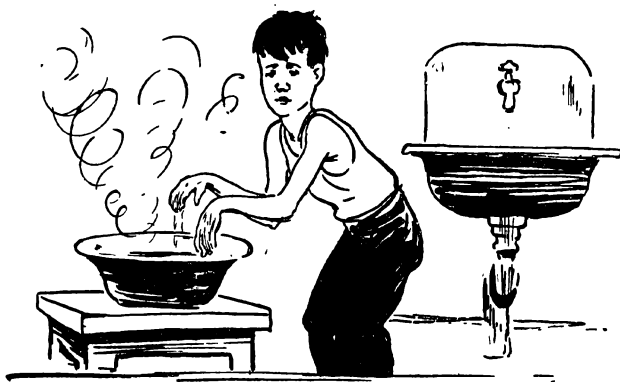
Освежающей,
Холодной,
Питьевой,
Водопроводной
Умывается отряд
Голопуzych дошколят.

На зимовке академик,
Как антарктика седой,
Одинаково со всеми
Умывается водой —
Мягкой,
Талой,
Снеговой.

Только Петя вроде
птички —
Невелички воробья:
В тёплый тазик
Клюнет разик
И кричит: «Умылся я!»
А поэтому зимою,
Даже в лёгонький мороз,
Он за рамою двойною
Греет варежкой нос.

Из блокнота художника

На этой странице вы видите две зарисовки из блокнота художника Владимира Сердюкова. Первая посвящена одному из самых молодых сооружений нашего города — новому Финляндскому вокзалу.

А что вы можете сказать о второй зарисовке? Где находится этот дом, кто в нём жил?

(Фантастическая повесть)

ДНИ на искусственном спутнике Сирасколии слились для Икара и Андрея Дмитриевича в один непрерывный поток. После короткого сна и лёгкого завтрака они оставляли свою каюту, чтобы вернуться в неё уже поздней ночью. Скоростной лифт относил их в ангар, где создавалась третья ступень «Малахита» — его двигатель, где ремонтировались приборы, разрушенные во время катастрофы и посадки «Малахита» на планету Трит.

Работы велись днём и ночью. С каждым часом спутник улетал всё дальше и дальше по своей орбите, удлиняя и без того невероятно далёкий путь Андрея Дмитриевича и Икара до Земли. Ждать его возвращения к наиболее приближённой точке было

нельзя — это потребовало бы ещё свыше трёх земных лет.

Почти весь экипаж «Ара» на время ремонта «Малахита» вылетел на родину. Андрей Дмитриевич и Икар горько сожалели, что им не придётся побывать на Сирасколии — они нужны были здесь. Инженеры оборудовали двигатели «Малахита» новыми приборами и приспособлениями, их надо было хорошенько изучить до отлёта «Малахита».

Горечь от того, что не удастся осмотреть планету, смягчалась ежедневными специальными телевизионными передачами с Сирасколии да тем, что рядом с Ожеговым и Икаром на стапелях ангара работала Ия. Она не полетела на свою планету и осталась на спутнике, хотя Алёна и Нор уговаривали её побывать на планете.

Окончание. Начало см. «Искорку» №№ 1—6 за 1960 г.

Несмотря на огромный размах работ, в ангаре стояла удивительная тишина. Молниями вспыхивали огни аппаратов, которые надёжно сшивали остов будущего двигателя. А гравитационные двигатели поднимали на огромную высоту узлы ракеты. Одновременно шёл монтаж могучих ускорителей элементарных частиц.

С каждым днём «Малахит» всё больше и больше напоминал прежний красавец звездолёт. Наново окрашенный светло-зелёной защитной краской, он обещал Андрею Дмитриевичу и Икару скорую встречу с Землёю. Скорую, несмотря даже на то, что обратный путь должен был продлиться свыше десяти лет.

Вместе с Андреем Дмитриевичем Ия работала на монтаже аппаратуры двигателей — самой ответственной операции по восстановлению «Малахита». Тяжёлые думы мучили девушку. Она с грустью думала о том, что скоро расстанется с этими удивительными светложими людьми, к которым так привязалась за это время. Часто, оставив работу, она заходила в корабль, в каюту Ожегова, и с волнением рассматривала матовую пластинку, на которой возникало изображение его погибшей жены. Оттуда она отправлялась в обсерваторию спутника. Сосредоточенная, замкнутая, она садилась у бинокулярного объектива электронного телескопа и подолгу смотрела туда, где в лёгком тумане атмосферы величаво плыла по космосу планета двух звёзд — Сирасколия. Иногда объективы затягивала плотная

пелена — Ия беззвучно плакала.

Ожегов и Икар заметили, как резко переменялась Ия. И они тоже всё чаще и чаще с сожалением думали о том, что скоро им придётся расстаться.

Однажды, когда после работы они вернулись в свою каюту, Андрей Дмитриевич испытующе посмотрел на Икара и сказал:

— А что, если мы попробуем пригласить Ию полететь с нами на Землю?

— Она откажется, — безнадёжно ответил Икар. — Нет, она, конечно, откажется...

— А всё-таки я с нею поговорю, — задумчиво, словно припоминая что-то, сказал Ожегов. — Может быть...

Он резко повернулся и вышел из каюты.

ИКАР насторожённо ждал прихода отца. Он ещё не мог объяснить себе долгих разговоров отца с Ией во время полёта, взглядов, которыми они иногда обменивались. Он не понимал, почему отец всё чаще и чаще уединяется в своей каюте на «Малахите», в скорбном молчании рассматривая стереоскопическое изображение его матери на матовой пластинке, не мог объяснить, почему так притягивает к себе эта пластинка Ию. Он знал только одно — Ия навсегда вошла в их жизнь, и отец, и он, где бы они ни были, будут с тоской вспоминать о ней. Ему и самому не раз приходила в голову мысль сказать отцу, чтобы он попытался пригласить Ию полететь с ними на Землю, но он не верил, что это возможно. А как хорошо было бы, если бы

Ия согласилась полететь с ними!

Резкий стук в дверь заставил Икара вскочить на ноги. В каюту вошли Андрей Дмитриевич и Ия, — и Икар услышал ликующий голос отца:

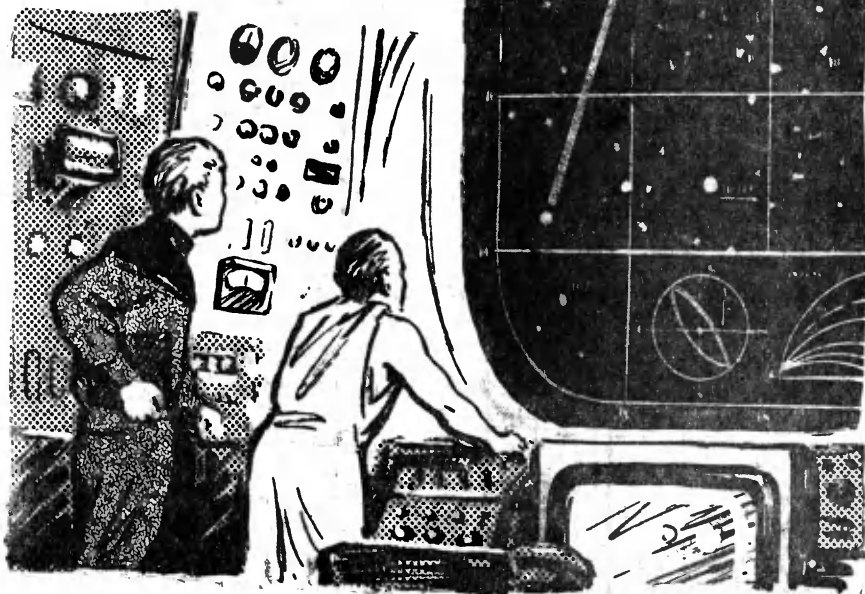
— Она согласна, Икар! Она согласна! Мы вместе полетим на Землю!

Икар бросился к Ие и крепко-крепко обнял её. А она, взволнованная, счастливая, ласково гладила его по мягким сбившимся волосам, по вздрагивающим плечам и тихонько говорила:

— Мы будем хорошими друзьями, Икар! Правда ведь? Мы будем очень хорошими друзьями. Я помогу твоему отцу наладить связь с Сираско-лией... Я должна быть там, где будет он...

...Ожегов и Ия ушли, чтобы помочь принять грузы, доставленные ракетами. Икар бесшумной тенью выскользнул из каюты и быстро побежал в ангар. Лифт бесшумно поднял его на

* Красная стрела на гигантской карте звёздного неба упорно продвигалась туда, где в туманном ореоле мерцали звёзды Сирасколии. *

верхнюю площадку «Малахита». Через открытую шлюзовую камеру он вошёл в корабль.

В звездолёте было темно, но Икар уверенно находил дорогу в переплетении люков и коридоров. В каюте отца он зажёл свет. На столе, на старом месте, стояла фотокарточка матери. Икар несколько минут молча смотрел на неё, потом взял и отнёс в свою каюту. Быстро открыл круглый контейнер, в котором хранилось самое дорогое его сокровище — дневник-магнитофонные ленты, и опустил снимок на самое дно.

Горечь и радость боролись в душе Икара, когда он оставлял корабль. И радость победила. Икару шёл восемнадцатый год, он уже понял суровый и незыблемый закон природы: живым — жить на земле.

ЧЕРЕЗ два месяца ремонт «Малахита» был окончен. Экипаж «Ара» тоже съехался на спутнике-космодроме — корабли должны были стартовать почти одновременно.

Решение Ии лететь на Землю с Ожеговым и Икаром не встретило на Сирасколиии осуждения — каждый гражданин Родины Человеческого Счастья волен был сам решать свою судьбу, если его решение не наносило вреда обществу. В отлёте же Ии сирасколийцы видели только пользу — она поможет землянам быстрее установить с ними связь. Вместо Ии в состав экспедиции «Ара» был включён новый врач.

И вот наступили минуты прощания. Крепкие рукопожатия,

дружеские взгляды, огромные букеты цветов... Алёя, Нор и другие члены экипажа поднимаются по трапу на корабль. Электромагнитные краны выводят его на стартовую площадку, и он медленно вонзается в космическую ночь длинной сверкающей молнией.

Вслед за ним стартует «Малахит». Некоторое время корабли, разделённые сотнями тысяч километров, летят по одному курсу. На экране локатора Ия, Андрей Дмитриевич и Икар видят длинную светящуюся черту. Затем Алёя кладёт свой звездолёт на новый курс, и черта исчезает.

Ожегов включает двигатели, постепенно наращивая их мощность, и замирает у центрального пульта управления. «Малахит» летит к Земле.

эпилог

ОНИ стояли на Красной площади Москвы — высокий широкоплечий мужчина с обветренным открытым лицом, согретым мягким сиянием чуть прищуренных голубых глаз; смуглая тоненькая женщина с тяжёлой копной иссиня-чёрных волос и коренастый юноша с такими же, как у мужчины, широкими, сведёнными на переносице, бровями, похожими на два созревших пшеничных колоса, и слегка желобатым подбородком. Ожегов и Икар были здесь в последний раз свыше двухсот лет тому назад, перед стартом «Малахита». И вновь они пришли на единственное на земном шаре место, которого не коснулось

время, и прислушивались к малиновым всплескам курантов на Спасской башне. Благодарное человечество, как святыню, сохранило эту башню и седые стены Кремля, у которых в строгом молчании застыли ели, и источенную веками брусчатку Красной площади, и, казавшиеся игрушечными рядом с устремлёнными в небо громадами из бетона, алюминия и стекла, резные купола собора Василия Блаженного.

Раннее майское утро позолотило звёзды на старинных башнях, сотнями разноцветных огоньков вспыхнуло на окнах дворцов, а они стояли, крепко держась за ружья.

Они стояли, полные гордости за свою Землю.

Лёгкий ветерок, напоённый ароматом далёких полей, обдувал их взволнованные лица, приглаживал волосы; глубокая тишина окружала их — город ещё спал, и никто не мешал им громким словом, весёлым смехом, звонкой песней — троим на площади нужна была тишина.

Их видели в этот день на площади Дерзновенных, у памятника герою, павшим в чёрных глубинах космоса. Гигантская серебристая ракета, устремлённая в небо, и бронзовые многометровые фигуры людей утопали в цветах. Они тоже положили к подножию цветы, яркие, прекрасные цветы Сирасколи, и долго стояли, склонив головы и вспоминая товарищей, отдавших свои жизни, чтобы проложить человечеству путь к звёздам.

Потом они оказались далеко за городом, на космодроме, где стояла на ажурной эстакаде готовая к старту ракета «Стремительная». Она должна была отнести Икара на постоянный искусственный спутник Земли «Пионер-8», который теперь стал космическим портом для кораблей, улетающих в космос.

Советом Института Межзвёздных Сообщений Икар был назначен начальником экспедиции, которая должна была исследовать центральные звёзды Млечного пути. Экспедиция была рассчитана на 15 ракетных лет, 40 000 лет должно было пройти на Земле к моменту её возвращения. Ожегов и Ия прощались с Икаром навсегда — они должны были остаться на Земле, чтобы наладить постоянную связь с Сирасколией.

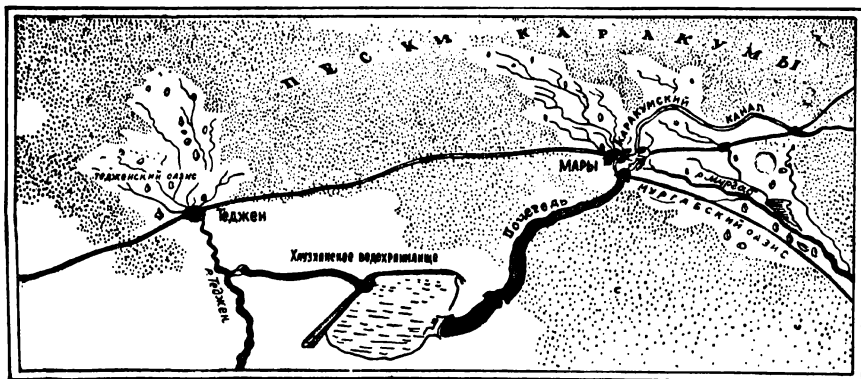
...Он стоял на трапе перед готовым захлопнуться люком, молодой, взволнованный, и огромные глубокие глаза его ласково глядели на отца и Ию. Грусть расставания захлёстывала его, пригибала его широкие плечи, но он знал, что так надо, что человечество не может остановиться в своём движении вперёд. Отец и Ия махали ему руками, любовью и гордостью светились их глаза.

Люк захлопнулся, но в какое-то последнее мгновение юноша ещё услышал глуховатый голос отца, усиленный микрофонами:

— Лети, Икар! Счастливого тебе пути, сынок!

Река счастья

БОГАТ и обширен солнечный Туркменистан. Он даёт стране каракуль и шерсть. Недра его хранят огромные сокровища — нефть, озокерит (горный воск), соль, серу. Но главное богатство Туркменистана — хлопок.

Хлопок недаром называют «белым золотом»: из него делают вату и ткани, бумагу и киноленту, масло, мыло и множество других полезных вещей.

Туркмения — всего-навсего одна из пятнадцати союзных республик нашей Родины. Однако территория этого солнечного края вдвое больше «великой державы» Великобритании и почти равна площади Испании. В центре Туркмении лежит одна из величайших пустынь земного шара Каракумы, что означает «чёрные пески». Они занимают более четырёх пятых территории всей республики. Человек отвоевал у Каракумов лишь пол-

миллиона гектаров — едва одну сотую часть всего Туркменистана.

А ведь в незапамятные времена эта пустыня была цветущим краем: протекающая по ней Аму-Дарья щедро поила землю, давала жизнь растениям. Но река изменила своё русло, и на обширный плодородный край начала наступление пустыня. Исследователь Каспийского побережья Туркменистана лейтенант Жеребцов писал в 1847 году, что здесь «токмо соль, пески и всё убивающая жара властвуют».

МНОГИЕ тысячелетия туркмены мечтали о том, что найдётся богатырь, который сумеет покорить гордую красавицу Аму-Дарью, заставит её повернуть в «чёрные пески» и поделиться с людьми своим бесценным богатством — водой. В самом начале XVII века в Петер-

бург к царю Петру I прибыл старшина мангышлакских туркмен Хаджи Непеса. Он был обеспокоен судьбой кочевий, раскинутых по безводным степям между Аральским и Каспийским морями, просил Петра «о повороте Аму-Дарьи» в её древнее русло, проходившее по пустыне в Каспий. Предложение Непеса заинтересовало Петра, и он направил в Туркменистан экспедицию под началом князя Александра Бековича-Черкасского.

В указе, которым Пётр снабдил главу экспедиции, было сказано: «Над гаваном, где бывало устье Аму-Дарьи реки, построить крепость человек на тысячу... Ехать к хану Хивинскому послан, а путь иметь подле той реки, и осмотреть прилежно течение оной реки, также и плотины, ежели возможно оную воду паки обратить в старый ток, к тому же протчия устья запереть, которые идут в Оральское море».

Но Бекович и его отряд были вероломно обмануты хивинским ханом и полностью уничтожены.

В 1717 году Пётр направил в Среднюю Азию новую экспедицию. Руководитель её Флорио Беневени в течение нескольких лет собрал много сведений о режиме Аму-Дарьи, но когда он возвратился в Петербург, Петра уже не застал в живых.

А если бы и застал? Разве под силу было царской России осуществить смелый план знатного туркмена Непеса? Только советская власть могла осуществить вековую мечту народа.

17 мая 1918 года — через два столетия после паломничества

Хаджи Непеса в Петербург — великий вождь трудящихся Владимир Ильич Ленин подписал декрет об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы. Шёл первый год советской власти. Молодой республике Советов приходилось бороться с иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией, а Ленин в это тяжёлое время уже заглядывал в будущее. В 1921 году он писал коммунистам Кавказа: «Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму».

Слова великого вождя стали наказом партии. Началось наступление и на «чёрные пески». В 1930 году воды Аму-Дарьи устремились в Басага-Керкинский канал и на 37 километров углубились в безжизненную пустыню. Эта первая победа окрылила жителей песков, вселила в них надежду, что вода из главной среднеазиатской реки углубится в Каракумы не на десятки, а на сотни километров и превратит пустыню в цветущий край.

В 1953 году началось новое наступление на пустыню. Первая очередь Каракумского канала вступила в строй. Это величайшее гидротехническое сооружение нашего времени протянулось на 400 километров от Аму-Дарьи до бассейна Мургаба. Первые сто километров вода течёт по древнему руслу реки.

Пустыня начинает менять свой облик. Раньше в ней можно было встретить только верблюжью колючку да косявый саксаул. Теперь вдоль канала зеленеют

Один из строителей Туркменского канала — машинист экскаватора Меред Худайбердыев.

новую жизнь. Вот почему народ
называет его рекой счастья и
слагает стихи:

Где были голые барханы,
Восстанут сосен стройных
станы.

Мы будем говорить отныне
Не каракумские пустыни,
А каракумские леса,
Не каракумская жара,
А созревания пора,
Садов осенняя краса,
Пора плодов и хлопкосбора.
Мы это всё увидим скоро...

Пришёл богатырь, о котором тысячелетиями мечтали туркмены. Пришёл и покорил гордую красавицу Аму-Дарью, заставил её поделиться своим сокровищем с людьми. Этим богатырём оказался советский народ.

55

По воле партии и правительства он будущее делает настоящим, а завтрашний день превращает в сегодняшний.

По семилетнему плану вторая очередь Каракумского канала должна вступить в строй в 1964 году, но все работы будут закончены на два года раньше. А в декабре этого года амударьинская вода уже оросит поля Тедженского оазиса. Для того чтобы ускорить работы, Туркменской республике выделены дополнительно бульдозеры, грузовые автомобили, экскаваторы, краны.

Шаг за шагом отступает пустыня под натиском армии строителей. Один из них, машинист экскаватора Меред Худайбердыев, работает на канале уже четыре года. Меред был колхозником. После окончания десятилетки он учился в Ашхабадском учебном комбинате, а теперь стал машинистом.

— Раньше, в колхозе, я работал маленькой лопаткой, — говорит Меред, — а теперь — вот какой большой!

Своей «большой лопатой» ветеран канала вынул уже более

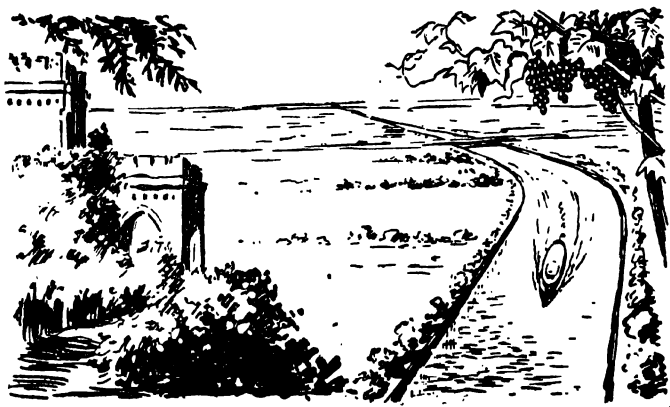
миллиона кубометров грунта, он выполняет ежедневно полторы с лишним нормы. Когда Худайбердыева навещают его земляки из колхоза имени М. И. Калинина и спрашивают, скоро ли будет вода, Меред уверенно отвечает:

— Скоро, друзья, скоро. Постараемся уже в этом году пропустить Аму-Дарью до Теджена!

Знают на канале и бригадира шагающего экскаватора Виктора Николаевича Чернова. Прежде чем появиться на участке Мара-Теджен, он прошёл на своём «шагаче» по всей трассе Волго-Дона и по всему 400-километровому пути первой очереди реки счастья.

На строительстве второй очереди канала работают представители 15 национальностей. Стройка объявлена всенародной.

«Тот народ богат, у которого есть вода и пустыня», — говорит туркменская пословица. Уже сегодня советские люди доказали справедливость этой пословицы, напоив водой Аму-Дарью выжженную солнцем пустыню. Завтрашний день принесёт новые доказательства силы могучего богатыря, имя которому — Советский народ.

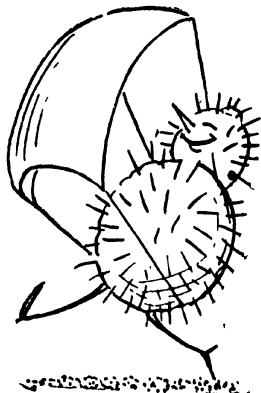
...что при благоприятных условиях одна бактерия размером в 1—2 микрона через 48 часов способна создать 271 биллион клеток, через 36 часов — микробную массу в 400 тонн, а через 5 суток — такое количество, которое заполнило бы бассейны всех морей на земном шаре.

★

...что в маяодоступных проливах архипелага Мергуи, расположенного вдоль южного побережья Бирмы, до наших дней сохранились остатки древнего племени Мокены, которые всю свою жизнь проводят в лодках? Мокены кочуют по морю среди 900 островов, из которых состоит архипелаг, небольшими группами в 15—25 человек. Вся жизнь кочевников проходит в поисках пищи и заботах о лодках.

★

...что есть растение, которое может... ходить? Это кантус «анданте» (шагающий), житель перуанских пустынь. Вместо корней у него отростки с острыми шипами. Подгоняемый ветром, кантус передвигается, получая влагу и питание из воздуха.

★

...что большие растения так же лихорадит, как и животных? Долгое время, пока не были изобретены приборы повышенной чувствительности, считалось, что температура растений зависит от температуры окружающей среды. Теперь установлено, что у больших растений температура выше, а «дыхание» чаще, чем у здоровых.

★

...что пчела, найдя нектарное поле, возвращается в улей, где, кружась и описывая разные фигуры, сообщает о находке другим пчёлам? Эту особенность поведения насекомых учёные назвали пчелиным языком.

★

...что дикий слон, если не считать короткого отдыха в полдень и непродолжительного сна около полуночи, почти непрерывно ест? Пьёт он обычно два раза в день — на рассвете и на закате.

★

...что на Земле живёт почти 75 миллиардов птиц? Этот подсчёт сделал один французский натуралист. По его наблюдениям, количество некоторых видов птиц с каждым годом уменьшается, а некоторых, особенно голубей и воробьёв, увеличивается.

★

...что банановое дерево даёт не только питательные и вкусные плоды, но и воду? На некоторых Филиппинских островах колодцы расположены далеко друг от друга. Местные жители выращивают банановые деревья. Срезая стебли, люди получают из их полостей свежую прохладную воду.

★

...что есть животные, совмещающие особенности многих других? В случае опасности они, как ежи, сворачиваются в клубок; как кошки, пускают в ход когти; как черепахи, прячут ноги, хвост и голову в панцирь; как крабы, могут зарываться в песок. Животные эти — броненосцы. Они живут в районах Южной и Центральной Америки. Недавно броненосцы поселились в Ленинградском зоопарке, куда они доставлены из Аргентины.

Рисунки К. Бекташева

Рассказ об одной серии

ВАМ, конечно, знакомы эти марки. Их шесть, и все они вместе составляют «Пионерскую серию».

Но знаете ли вы, что эта серия была выпущена по почину ленинградских пионеров?

...15 ноября 1933 года газета «Ленинские искры» объявила начало городского пионерского похода «Всемерно поможем почте!» Предстояло сделать многое, выяснить, какие улицы и переулки не имеют дощечек с названиями, проверить, все ли квартиры в домах имеют почтовые ящики. А освещение лестниц?! Разве в темноте смогут почтальоны обеспечить аккуратную доставку корреспонденции?!

Первым откликнулся на призыв газеты Петроградский район. Повсюду в городе возникли отряды «лёгкой кавалерии». Каждый отряд прикреплялся к ближайшему почтовому отделе-

нию и совершал «рейды помощи почте». «Ленинские искры» сообщали о ходе этой помощи:

...5 января 1934 года пионеры одного из отрядов «лёгкой кавалерии» распространили 90 почтовых ящиков.

...17 марта. Пионеры другого отряда расклеили в домоуправлениях плакаты — как правильно писать адреса. На дверях многих квартир вывесили списки жильцов, прибили сетки, предохраняющие лампочки.

...Начальник 24-го почтового отделения сообщал: «Пионеры обследовали 344 дома. Выявили 73 неосвещённые лестницы, 97 квартир без номеров, 119 квартир без почтовых ящиков».

18 марта 1934 года в помещении Ленинградской государственной филармонии состоялся общегородской слёт отрядов «лёгкой кавалерии», помогающих почте. Итоги первых меся-

цев работы оказались весьма значительными. На слёт прибыли и представители Народного Комиссариата связи Союза ССР. В специальном Приказе Наркомата говорилось об общегосударственном значении важной инициативы ленинградских пионеров. Отмечая это, Наркомат наградил несколько лучших отрядов ценными премиями. На том же слёте пионеры предложили Наркомату связи выпустить почтовую марку, посвящённую пионерской помощи почте.

В мае 1934 года Наркомат связи издал ещё один Приказ, обращённый ко всем работникам связи. В нём, в частности, говорилось:

«...Ленинградские пионеры, объявив поход за образцовую социалистическую связь, оказывают работе органов Наркомсвязи большую помощь... В работе «лёгкой кавалерии» в условиях

деревни особенно важно отметить борьбу за бережное отношение ребят к телефонным, телеграфным проводам и изоляторам... Всем органам связи необходимо всячески поддерживать эту работу юных пионеров, всемерно оказывая им помощь».

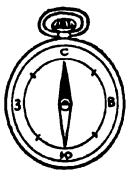
Помня пожелания ленинградских ребят, Наркомсвязь в мае 1936 года выпустил серию из шести марок по рисункам художника В. В. Завьялова.

Так ленинградские пионеры стали инициаторами выпуска одной из самых известных серий советских почтовых марок.

И если у тебя есть в коллекции хотя бы одна марка из этой серии, пусть она напоминает тебе о том, что юный пионер всегда должен быть зачинателем полезных и интересных пионерских дел, всегда должен стремиться принести посильную пользу Советской Родине.

В. КАРЛИНСКИЙ

ПОСТРЫЕ ЗАМЕТКИ

Находчивость

Это случилось в Киеве. Грузовая машина поднималась по крутой улице им. Коминтерна. Вдруг водитель Николай Масенко потерял сознание.

Грузовик без управления остановился, а затем покатиł вниз. Катастрофа казалась неизбежной. В эту минуту с машиной поравнялся мотоциклист. В одно мгновение человек с мотоцикла перепрыгнул на автомашину. Сильные руки крепко уцепились за кабину, рванули дверку, за которой всё ещё без сознания лежал водитель. Нога храбреца быстро нашла нужную педаль. Сработал тормоз — грузовик некоторое время шёл «юзом» и остановился. Катастрофа была предотвращена.

Больше месяца оставалось неизвестным имя мужественного человека, который, рискуя жизнью, предотвратил катастрофу. И только недавно стало известно, что это был молодой инженер Киевского отделения научно-исследовательского института связи Леонид Козлов.

В чреве кашалота

В канадском журнале «Канадиан фишермен» была опубликована заметка под заголовком «Невероятный случай с человеком, который был проглочен кашалотом, пробыл в его животе несколько часов и остался жив!»

Случилось это так:

В феврале 1891 года китобойное судно «Старовзе Ист» вышло в море. Вскоре раздался голос марсового: «Кашалот!» Недалеко от судна на поверхности появилось огромное животное. На воду была спущена лодка, и восемь гребцов налегли на вёсла. Громадное чудовище продолжало медленно плыть, не

замечая опасности. Как только кашалот поравнялся с лодкой, два острых гарпуна вонзились в его тело. Животное рванулось вперёд. Гарпуны глубоко вошли в тело кашалота, и, казалось, исход борьбы был предreshён. Но раненое животное вдруг резко повернуло и ринулось на лодку. Ещё мгновение, и страшный удар хвоста опрокинул её. Китобои очутились в воде...

С судна тотчас была послана вторая лодка. Обессилевшего кашалота доби́ли и пришвартовали к судну.

А что случилось с теми, кто был в первой лодке? Шестеро оста-

Рис. К. Бекташева

лись невредимы, одного кашалот убил ударом хвоста, а восьмой — молодой Джеймс Бартли — исчез. Все думали, что он утонул.

Два часа продолжалась разделка туши, а когда был вскрыт желудок, по палубе пронёсся крик удивления и ужаса. Китобой увидели неподвижно лежащего в желудке Джеймса Бартли! Он был жив. Его

немедленно поместили в лазарет.

Спустя две недели, когда судно вернулось в порт, Бартли положили в больницу. Несколько недель врачи боролись за его жизнь. Наконец пострадавший поправился и рассказал о случившемся.

Он отлично помнил, как кашалот перевернул лодку. Сначала его подбросило в воздух, а затем он оказался в пол-

ной темноте и почувствовал, что скользит вниз по какому-то каналу, стенки которого судорожно сжимались. Внезапно скольжение прекратилось. Он лежал в кромешной тьме и задышался. Джеймс обессилел и потерял сознание. Лишь в лазарете он пришёл в себя.

Этот невероятный случай вызвал огромный интерес, особенно среди учёных.

* ~~~~~

Юван Шесталов

Дуют северные ветры...
Далеко моя земля,
где растут красавцы кедры,
где играют соболя.

В голубой песцовой шубе
гордо горбится Урал, —
там

зимой
во вьюжном шуме
вихрей вздохи я слышал.

Родились те вихри в тундре
у завьюженных морей,
вихри снег метут оттуда,
намечают горы-груды
для мансийцев-малышей.

А весной снег растает,
Объ купаться позовёт.
Соберутся уток стаи
на крикливый птичий слёт.

С плавником своим — бахромкой
клюнет рыбка на Оби.

Грянет гром игрушкой громкой
из заоблачных глубин;
прогремит потом потише
погремушкой для детишек...

По моей земле олени
рысью стелются,
летят,
на моей земле олени
возят взрослых и ребят.

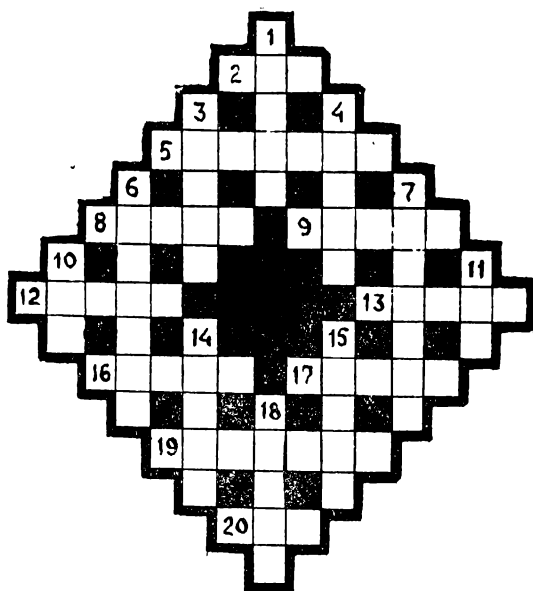
Но у манси есть и крылья —
в синем небе,
как стрижи,
самолёты закружили,
прочертили виражи.

И летят за ними ветры...
А внизу —
моя земля,
где шумят красавцы кедры
и зимуют соболя.

Перевёл Игорь СМОЛЬНИКОВ

КРОССВОРД

(Составил Вова Бондаренко, Ленинград)

Все слова в этом кроссворде начинаются на букву «К».

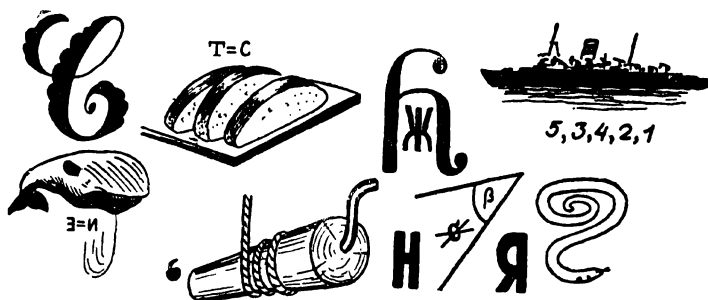
По вертикали. 1. Насекомое. 3. Спортивный снаряд. 4. Предохранительный чехол. 6. Старший в футболь-

ной команде. 7. Русская народная сказка. 10. Корабельный повар. 11. Партия игры. 14. Головной убор. 15. Приз. 18. Плотное сплетение из тонких волокон, сооружаемое гусеницей перед превращением в куколку.

По горизонтали. 2. Заострённая палка. 5. Вереница вьючных животных. 8. Напиток. 9. Соцветие злакового растения. 12. Морское млекопитающее. 13. Мебель. 16. Искусственное русло. 17. Часть парашюта. 19. Склон горы или холма. 20. Свод условных обозначений.

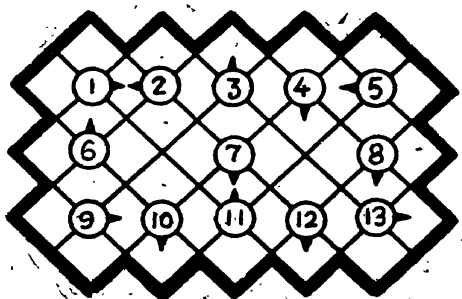
РЕБУС — ЗАГАДКА

Разгадав ребус, прочтёте загадку. Как вы думаете, о чём в ней говорится?

ЦИКЛОМОЗАИКА

(Составил В. Грязев.)

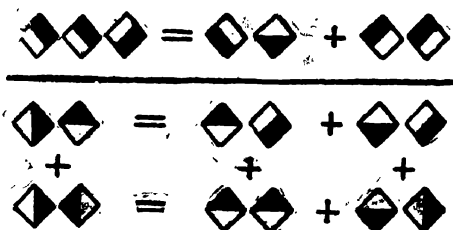

Вокруг каждой цифры, начиная с отмеченной клетки, впишите по часовой стрелке слово из четырёх букв.

1. Ось с насаженными на неё колёсами. 2. Обруч с натянутой на него мелкой сеткой для просеивания или процеживания. 3. Название месяца. 4. Членистоногое с четырьмя парами глаз. 5. Остров на Средиземном море. 6. Зарытые, спрятанные в укромном месте ценности. 7. Химический элемент. 8. Великий немецкий поэт, автор драматической поэмы «Фауст». 9. Повреждение тканей тела. 10. Тьма. 11. Определённый промежуток времени, в течение которого необходимо выполнить задание. 12. Наклон судна или самолёта в полёте. 13. Ударный инструмент.

Если все слова будут разгаданы правильно, то во внешних клетках фигуры можно будет прочесть название произведения детского писателя.

АРИФМЕТИЧЕСКИЙ РЕБУС

Эту задачу нам прислал Иосиф Лурье, ученик одной из школ г. Тулы. Каждый значок соответствует определённой цифре. Нужно, руководствуясь рассуждениями, определить, какой цифре соответствует каждый значок, — восстановить шесть действий сложения, произведённых над числами.

ДЕВЯТЬ ЦИФР

(Составил С. Бессонов, г. Шахты)

Сумма девяти порядковых чисел равна сорока пяти.

Не изменяя порядка этих чисел, расставьте между ними такие знаки арифметических действий, чтобы это число увеличилось в сто раз (4500).

Цифры можно группировать по нескольку, но порядок их не изменять.

$$1+2+3+4+5+6+7+8+9=45$$

ЗАДАЧА-ШУТКА

X — два предлога = Y ;

$$X = Y + 1.$$

Попробуйте решить эту «систему уравнений». Вам нужно «найти» X и Y , а также догадаться, о каких двух предлогах идёт речь...

Для того чтобы решить задачу, совсем не нужно быть «математиком». Для этого достаточно смекалки.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 6)

ЧАЙНВОРД

1. Сет. 2. Турник. 3. Каток. 4. Компас. 5. Слип. 6. Парад. 7. Диск. 8. Кросс. 9. Старт. 10. Трек. 11. Карьер. 12. Рапира. 13. Арбитр. 14. Разряд. 15. Донка. 16. Атака. 17. Атлет. 18. Тур.

УМЕЛЫЕ РУКИ

Бурав, молоток, отвес, долото, выколотка, сверло, дрель, рубанок, лекало, клещи.

СЕМЬ СЕМЁРОК

$$973 \times 749.$$

РЕБУС-ЗАГАДКА

«Ревнул вол за сто сёл, за сто речек» (гром).

РЕБУС «СЛОЖИ И ВЫЧТИ»

«Сахалин» (А. П. Чехов).

СОДЕРЖАНИЕ

Белые ночи. пляж в городе. Стихотворения Н. Поляковой	1
Тишка. Рассказ С. Жемайтис	3
Мой любимый цвет. Стихотворение М. Таряна	10
Бабушкины помощники. Стихотворение И. Демьянова	12
Капитаны выходят в плавание. Повесть О. Онищенко	14
Жаворонок. Стихотворение В. Верховского.	31
Письмо из редакции. Рассказ Я. Акима	32
Лёнька-гипнолизёр. Рассказ П. Лебедеико	36
Кто какой умывается водой. Стихотворение И. Егорова.	44
Лети, Икар! Окончание повести Михаила Герчика	47
Завтра нашей Родины. Река счастья. Очерк Н. Садового	53
Знаешь ли ты?	57
Уголок коллекционера. Рассказ об одной серии. Статья В. Карлинского	58
Пёстрые заметки	60
Мой север. Стихотворение Ювана Шесталова	61
Клуб смекалистых ребят	62

На первой и четвёртой страницах обложки — рисунок В. Сердюкова «Кругосветка».

На второй странице обложки — фотоэтюды Г. Сафонова «Лето».

На третьей странице обложки — фотоочерк В. Самойлова «Рем переехал в зоопарк».

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр. Фонтанка, 57, Тел. А-4-48-51.

Сдано в набор 14/VI. Подписано к печати 11/VII 1960 г. 4 печ. листа. Уч.-изд. л. 5,29
М-26837. Зак. 899. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 1 рубль. Тираж 75 000.
Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57.

Рем переехал в Зоопарк

С ЧУДНЫМ «львиным мальчишкой» по кличке Рем мне удалось познакомиться в квартире Варвары Константиновны Шепелёвой, кандидата сельскохозяйственных наук, старшего научного сотрудника Института физиологии имени Ивана Петровича Павлова.

Рем довольно долго жил с семьёй В. К. Шепелёвой. Её дети — десятиклассница Люся и младший Юра из 193-й школы Дзержинского района души не чаяли в своём воспитаннике и всё свободное время посвящали ему.

Рем ни разу не пробовал материнского молока, а сразу перешёл на коровье, стал есть сырые яйца. Он с удовольствием тянул из соски чуть подогретое молоко. Полюбил он и чуть подслащённую кашу...

После двух месяцев вегетарианской пищи Рем потерял аппетит, стал хандрить, не хотел играть и даже не смотрел на такую любимую игрушку, как полунадутый футбольный мяч...

Наверное, Рем на всю жизнь запомнит день, когда ему дали

Но не подумайте, что Рем жил лишь для того, чтобы развлечь ребят. Рем должен был помочь учёным решить одну очень важную и интересную задачу: как повлияют новые необычные условия на физиологию пищеварения львёнка, если его не кормить обычной пищей? Может быть, хищник забудет, что существует сырое мясо, и навсегда отвыкнет от обычной пищи своих родителей? Вот с этой-то целью В. К. Шепелёва и принесла домой Рема, когда ему шёл всего восьмой час от роду.

парное мясо. Когда из рациона львёнка исчезли молоко и яйца, Рем стал неузнаваем. Пошёл в рост, особенно быстро прибавлялся в размерах.

И вот настал день, когда Рем переселился в клетку Зоологического сада. На среднем снимке вы видите его с новым другом — собакой. Другие снимки сделаны в домашней обстановке. На верхнем снимке — «разговор по телефону» (слева — Варвара Константиновна Шепелёва); внизу — «музыкальный момент».

Текст и фото В. Самойлова

Цена 1 рубль.

